НАШИ ЛЮДИ В ГОЛЛИВУДЕ

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

ОРХИДЕЯ ИЗ СТАЛИ
МАРЛЕН ДИТРИХ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Серия «Наши люди в Голливуде» – это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей киноискусства – эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали имена в историю мирового кинематографа. Начав актерскую карьеру в Германии, став впоследствии супер-звездой в Голливуде, Марлен Дитрих (1901-1992) – блестящая актриса, певица, секс-символ своей эпохи, создала уникальный кинематографический образ женщины, перед которой преклонялись, проклинали и восторгались. Во время Второй мировой войны Дитрих выступала с концертами перед американскими солдатами, не боясь попасть под град пуль и снарядов. Ее необычная судьба, преданность искусству, обаяние и ореол вызывают подлинный интерес и в наше время. Иллюстрации Александра Штейнберга.

- Елена Мищенко
  -
  - МУТТИ
  - БЕРЛИН. РУДОЛЬФ ЗИБЕР
  - ПИГМАЛИОН НАШЕЛ СВОЮ ГАЛАТЕЮ
  - БЕРЛИНСКАЯ ФРАУ В ГОЛЛИВУДЕ
  - GLAMOUR – ГЛАМУР
  - «МОЯ МАЛЕНЬКАЯ НЕМОЧКА»
  - «БЛУДНАЯ ДОЧЬ» ГЕРМАНИИ
  - «ЗОЛОТАЯ ПУМА»
  - БЕГСТВО НА «СЕРОЙ ПУМЕ»
  - «JEAN, C’EST MARLENE!»
  - ВОЙНА И ЛЮБОВЬ
  - «ШОУ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ»
  - «ВОЗЬМИ ЛИШЬ ЖИЗНЬ МОЮ»
  - Другие книги серии «Наши люди в Голливуде»
  - Об авторах

Елена Мищенко
Александр Штейнберг

ОРХИДЕЯ ИЗ СТАЛИ
Марлен Дитрих (Marlene Dietrich)

«Марлен Дитрих! Твое имя, которое вначале звучит как ласка, оканчивается как щелканье бича. Одета ли ты в перья или меха, они выглядят на тебе, словно это неотделимая часть твоего тела. Секрет твоей красоты заключен в глубине твоего сердца. Твоя красота не нуждается в восхвалении. Она сама поет о себе. Я хочу приветствовать не столько твою красоту, сколько твою душу. Она светится в тебе, как луч света в морской воде. Ты – жар-птица, легенда – чудо – МАРЛЕН ДИТРИХ!»

Так говорил о ней великий Жан Кокто – художник, писатель, поэт, вошедший в число «бессмертных» французов.

Ее утонченность и элегантность воспевали Ремарк и Хемингуэй, ее актерский талант вдохновлял Джозефа фон Штернберга и Орсона Уэллса, в нее были влюблены самые знаменитые и влиятельные мужчины 20-го века.

Ее имя, облик и голос стали своего рода символом роковой власти женских чар. Femme fatale, – непроницаемая, ледяная, длинноногая Венера с нарисованными дугами бровей и презрительным взглядом холодных, ясных глаз. Она как никто знала цену сценическому облику, она сотворила свой имидж.

Зал трепетал, когда она сходила по ступеням длинной лестницы в невероятном «голом» платье от Жана Луи. Казалось, что блестки нашиты прямо на кожу. Это она придумала вентилятор на рампе, который заставлял трепетать тонкую ткань, а она медленно сходила с Олимпа, небрежно волоча за собой роскошные меха. Одно из платьев, переливчатое, из черного стекляруса, она окрестила «угрем», – оно сопровождалось трехметровым шлейфом, на который пошел пух двух тысяч лебедей. Марлен добивалась совершенства во всем – ее примерки длились восемьдесят часов. Она стояла неподвижно, лишь меняя сигареты в мундштуке и указывая куда нужно пришить блестку. «Дитрих была кошмаром и праздником», – вспоминают ее портнихи и стилисты.

Ее превозносили и очерняли, ей завидовали и подражали. Совершив переворот в кино, моде, общественной жизни,

сокрушив нравы и устои, она являла собой тип прекрасной женщины огромной силы духа, преодолевшей отчаяние одиночество. Она никогда не разрешала себе расслабиться. Будучи уже в преклонном возрасте, отработав двухчасовой концерт, она парила распухшие ноги в соленой воде, вновь надевала туфли на высоком каблуке, взбиралась на крышу машины и раздавала автографы.

Во время войны голос Марлен – отважной антифашистски – звучал на фронтах войны, она выступала перед солдатами, воюющими против фашизма, не боясь пуль, лишений, окопной жизни. Она сменила свой роскошный звездный имидж на пилотку и сапоги, и это шло ей не меньше чем перья и блестки. Марлен получила две ценные награды за участие в войне: американскую «Медаль Свободы» и французский орден «Почетного легиона».

«Орхидеей из Стали» называл ее Эрих Мария Ремарк, он знал и чувствовал ее лучше и тоньше других, ведь не зря Марлен стала прототипом главной героини его знаменитого романа «Триумфальная арка».

Потрясающий жизненный спектакль, сопровождавшийся аплодисментами и улюлюканьем под названием «Марлен Дитрих» длился больше семи десятилетий. В нем было все – триумф, трагедии, отчаяние, одиночество, вулкан страстей и… ужасающее предательство самого близкого человека – дочери.

Ее книгу, которая выставила на продажу самое интимное, самое тонкое что было в Великой Актрисе, прочла Марлен. Прочла – и не смогла дальше жить. Это был точный удар. В самое сердце. Последние десять лет, вплоть до смерти, последовавшей 6 мая 1992 года, она не допускала в свою жизнь репортеров. Она всегда не любила газетчиков, журналистов, падких на дешевые сенсации. Лишь после ее смерти репортеры смогли проникнуть в ее парижскую квартиру на авеню Монтень где она провела последние годы.

Она предпочла сама рассказать о себе, оставив нам книгу, свои раздумья, откровения.

«Слишком много невероятного было написано обо мне, и часто с одной целью – заработать деньги. Я никогда не имела возможности воспрепятствовать этим публикациям… Все так называемые «биографы», к сожалению, не обладали приличием – они даже не пытались связываться со мной, когда писали эти «книги», у них не было ни чести, ни достоинства.

Я лично неохотно говорю о себе, но, видя всеобщий интерес к моей жизни, взялась за перо, чтобы позднее люди не спорили о том, как все было на самом деле. И я смогу быть уверена, что те события, которые определили мою жизнь, получат правильное

толкование», – пишет Марлен Дитрих в предисловии к своей книге.

Мы пойдем вслед за ней. Марлен Дитрих будет нашей путеводной звездой, мы забудем о ее страданиях, о мучительных болях в плохо прооперированной ноге. Больная, старая, одинокая женщина опять превратится в ту, какой она всегда являлась публике в лучах софитов – легендарную, божественно прекрасную МАРЛЕН ДИТРИХ.

МУТТИ

«Мария Магдалена Дитрих родилась 27 декабря 1901 года в Шенберге, предместье Берлина в семье бравого офицера полиции Луиса Эрих Отто фон Дитриха и его жены Вильгельмины Элизабет Джозефины Фельзинг», – так написано в официальных документах.

На фотографии 1898 года они сняты вдвоем – пока еще жених и невеста. Луис с лихо закрученными вверх усами, в парадном мундире, правая рука заложена за спину, левая почивает на эфесе сабли. Его невеста в нарядном белом платье с рукавами-буфами, талия затянута в рюмашку, хорошенькое курносое личико привлекает женственностью и доверчивым взглядом.

Фройляйн Вильгельмина Элизабет Джозефина Фельзинг была типичной «девушкой из хорошей семьи». В это понятие входило многое: это означало, что она следует воле родителей, не требует от жизни большего, чем она может предоставить. Было ясно, что она будет верно исполнять свой долг жены и матери, образцово вести хозяйство, следуя святым заповедям немецкой домохозяйки: Kinder, Kuche, Kirche.

Джозефина была дочерью богатого ювелира. Клиентами магазина «Фельзинг», расположенного на одной из самых респектабельных улиц Берлина Унтер дер Линден, были уважаемые и солидные люди.

Они поженились когда ей было 22 года, ему – 30. Молодожены поселились в новом красивом доме, который был расположен в живописном пригороде Берлина – Шенберге. Место, и в самом деле, было красивым: много зелени, цветов, аккуратные клумбы, очаровательные домики с черепичными крышами. Они были счастливы.

Появление первого ребенка – дочки Элизабет не заставило себя долго ждать. Правда, Луис был несколько разочарован – он мечтал о сыне – но, в конце концов – какая разница!

С рождением дочки между супругами установились несколько иные, более прохладные отношения. Луис считал выполненным свой долг, и все реже открывал дверь в супружескую спальню. «Мутти» – как теперь он называл свою жену, чувствовала одиночество и некоторое разочарование в браке. Ведь она была еще так молода…

Однако редкие визиты мужа принесли свои плоды, и утром 27 декабря 1901 года после очень трудных родов Джозефина родила вторую дочь.

Хрупкое крохотное создание показалось матери верхом

совершенства. Ее кожа была смуглой, глаза – бездонными. «Сможет ли она найти свое место в этом мире, защитить себя, какая участь ей уготована?», – думала Джозефина, осторожно прижимая к себе малышку.

Она решила назвать ее Мария Магдалена. Была ли это просьба к Всевышнему о милосердии или предчувствие?

Девочки – Лизель и Лена – так сокращенно звали Марию Магдалену – получили прекрасное воспитание. Гувернеры, преподаватели музыки, иностранных языков, обширная библиотека – все это помогло Марлен в будущем. Обе прекрасно успевали в школе, Лизель обожала свою младшую сестру, помогала ей во всем, была ее верным и преданным другом.

Мутти составила для них строгий распорядок дня, в котором почти не было свободного времени. Придя из школы, девочки, переодевшись в домашнюю одежду, два часа делали уроки, затем начинались занятия музыкой – час игры на скрипке, час – на фортепьяно. После этого – обед, который ели в полной тишине, затем разговорная практика в английском и французском с гувернерами и лишь к вечеру им предоставлялось свободное время – полчаса. Эти тридцать минут они были вольны делать все что хотят. В основном это было чтение любимых книг. Затем наступал час вечерней молитвы и сон.

И все-таки они были разными – Лизель и Лена. Лизель была мечтательной, сентиментальной, любила мелодичную музыку, поэзию. У Лены была страсть – Франция. Она блестяще говорила по-французски, самым большим праздником для нее был День взятия Бастилии – 14 июля. Любимой учительницей в школе была преподаватель французского мадмуазель Бреган.

Любовь к Франции Марлен пронесла сквозь всю жизнь, она была преданным другом французов, помогала бойцам Сопротивления. Французское правительство по достоинству оценило ее помощь – Марлен Дитрих была награждена самой высокой наградой – орденом Почетного Легиона.

Ей было 13, когда она решила изменить свое имя. Имя отца Луи звучало как имя французского короля, вот и ее имя должно звучать по-французски. Девочка исписывает множество листов бумаги, стремясь найти наилучший вариант.

Marie Magdalene – это неплохо, в конце обоих имен она поставила гласную «Е», это позволит называть ее Мари, вместо Мария, но и это ее не устраивало. А что если соединить оба имени, вот, например *Marialena?* Уже лучше.

Но все еще не то! Она произнесла вслух: «Марлена». Звучит красиво, но имя ей все еще не нравилось. В корзину для бумаг полетели новые листки. Идея! Нужно вместо последней буквы «А»

поставить «Е» и убрать еще две буквы. Она написала большими буквами MARLENE. Произнесла громко. Ей понравилось. А ну-ка, как звучит теперь полное имя? МАРЛЕН ДИТРИХ. Наконец-то она нашла то, к чему стремилась. Так, в 13 лет она придумала свое новое имя – МАРЛЕН.

Все события своей жизни Марлен, а она теперь признавала только это имя – записывала в красивой толстой тетради в кожаном переплете, который подарила ее тетя Валли. «Эта тетрадь будет твоим лучшим другом. Записывай туда все самое важное и интересное», – сказала она. До конца жизни Марлен Дитрих вела свои дневники.

Разразившаяся в 1914 году война резко изменила жизнь семьи Дитрих. Луис ушел на фронт, с которого он уже не вернулся. В 1916 году он получил тяжелое ранение, Мутти поехала к нему «чтобы облегчить страдания» раненого мужа и вернулась вдовой. Черная вуаль и глухое черное платье стали ее постоянным нарядом.

В 1917 году руки Джозефин попросил офицер полка гренадеров Эдуард фон Лош, он был близким другом погибшего Луиса. Джозефина ответила согласием.

Эдуард фон Лош был замечательным человеком, он был всегда готов помочь друзьям, не требуя ничего взамен. Он любил Джозефин не ожидая ответного чувства, он удочерил девочек. Его семья была против этой женитьбы, считая, что совершается неравный брак. Но со временем эти противоречия исчезли. Девочки не присутствовали на брачной церемонии. Лизель и Марлен все еще соблюдали траур по их настоящему отцу. Мутти изменила фамилию – теперь она стала фон Лош, а Марлен до конца жизни сохраняла фамилию своего отца – Дитрих. Эдуард перевез свою новую семью в Берлин, в красивый новый дом. Он обожал своих «девочек», – Джозефину и дочерей, но война забрала и его. К сорока годам Джозефина второй раз овдовела.

С той поры жизнь резко изменилась в семье Дитрих. Казалось, война никогда не кончится. Изысканные блюда, воздушные десерты заменила брюква и подсахаренная вода. Но Мутти не сдавалась – она не отменила занятия, режим дня оставался точно таким же. Девочки по-прежнему занимались музыкой, скрипка и фортепьяно звучали в доме, только пьесы становились все сложнее. Мутти всегда была для девочек крепостью, противостоящей всем бурям. «Долг превыше всего», – повторяла она, и неуклонно следовала этому правилу.

«Мне повезло: у меня было чудесное детство. Даже несмотря на то, что мы нуждались, что я потеряла отца – юность моя была прекрасна. Я продолжала свое образование, меня научили

обходиться без «хороших вещей». И я окончила школу получив хорошее воспитание», – вспоминала Марлен Дитрих.

БЕРЛИН. РУДОЛЬФ ЗИБЕР

Послевоенный Берлин был удивительным городом. Казалось, люди, уставшие от военных невзгод, стремительно старались получить все возможные жизненные удовольствия. Эти годы вошли в историю под названием «золотые двадцатые». Вдруг как грибы после дождя, возникли бесчисленные кабаре, кафе, театрики, киностудии. Все кружилось, звенело, блистало в сумасшедшем ритме. Ночь слилась с днем. Самые разнообразные типажи появились на улицах.

Геи и лесбиянки, трансвеститы поражали немыслимой яркостью нарядов. Часто можно было увидеть разукрашенных молодых людей, пол которых невозможно было определить. Все было дозволено, не существовало никаких запретов. Марлен участвовала в этом сумасшедшем карнавале. В то время в Берлине огромной популярностью пользовался бар Excelent. Туда приходили нарумяненные мужчины с подкрашенными губами. Как-то Марлен появилась в Excelent во фраке, с моноклем в глазу. Фрак ей шел, на нее сразу обратили внимание. Впоследствии она шокировала мужскими костюмами Париж, Америку, – ей подражали, ее ненавидели, ее обожали.

…Марлен решила посвятить себя театру. Конечно, Джозефина была против. Она считала, что театр – прямая дорога в ад. Но Марлен настояла на своем. Она решила, что если не может стать великой скрипачкой – у нее была серьезная травма руки —, то обязательно будет великой театральной актрисой.

Она решила учиться театральному искусству в знаменитой школе Макса Рейнхардта. Для вступительного экзамена она выбрала фрагмент из «Фауста» Гете – молитву Маргариты. Она так тщательно и долго репетировала этот фрагмент стоя на коленях, что в результате они распухли и начали кровоточить.

В те двадцатые годы в Берлине было множество киностудий. Под них приспосабливали буквально каждый амбар. Покупалось поношенное оборудование, наспех лепились немудреные сюжетики, и вот – кино готово. Марлен, движимая страстью стать знаменитой, как в омут бросилась в съемочный процесс. Она не отказывалась ни от какой роли. Невероятно собранная, организованная, она распределяла свои дни так, что оставалось время и для веселых пирушек и для киносъемок. Чаще всего Марлен снималась на небольшой, но уже перспективной киностудии UFA.

Ее название расшифровывалось так: Универсал Фильм Акциенгезельшафт. Сначала это была небольшая студия, но в

1926 году в Бабльсберге строится просторный (по тем временам) кинопавильон, оснащается первоклассным оборудованием и начинается производство фильмов. Фатерлянду нужны были свои, немецкие фильмы.

В павильоне этой студии произошла встреча Рудольфа Зибера, молодого, подающего надежды ассистента режиссера, с Марлен Дитрих. Он искал актрису на роль легкомысленной девицы и пришел в актерскую школу Рейнхардта. Зибер прослушивал нескольких девушек, и его внимание привлекла Марлен. Он сделал несколько профессиональных указаний и попросил ее прийти на следующий день. Увидев ее, молоденькую девушку, в смешном костюме дамы полусвета, с моноклем в глазу, Зибер от души расхохотался и утвердил ее на роль.

Марлен была очень горда тем, что он выбрал ее. Зибер ей понравился с первой встречи, а увидев его во второй раз, она влюбилась в него.

Съемки длились три дня, Марлен была счастлива, она влюбленными глазами смотрела на Зибера, следовала каждому его указанию, а в конце съемок сказала матери: «Я встретила человека, за которого хотела бы выйти замуж». У Джозефины это заявление не вызвало восторга, но она знала свою упрямую дочь, и даже не пыталась противоречить. Более того, она собственноручно сплела миртовый венок, который Марлен надела во время венчания. Все было очень красиво, как и подобает в достойных семьях. Церковь была заполнена до отказа, присутствовали все члены семьи – в военном и штатском. Невеста была чудо как хороша, она плакала от переполнявших ее чувств, жених сохранял спокойствие – сентиментальности он предпочитал сдержанность.

Марлен вскоре почувствовала себя будущей матерью и целиком отдалась этому чувству. Они вместе с Рудольфом выбрали имя будущему ребенку – Мария.

«В крике и страданиях я произвела на свет свою дочь…Она была нашим счастьем. Вся вселенная как бы перевернулась. Все сосредоточилось на одном: на ребенке в детской кроватке. Ничего не осталось от прежней жизни. Все сконцентрировалось на этом чуде, которое лежало на маленькой белой, особо выстиранной простынке и тихо дышало. Подарок небес!»

Малышка росла, и Марлен снова могла вернуться к своей работе в кино и театре, снимаясь в небольших эпизодах, а иногда ей поручали даже маленькие роли в театральных спектаклях. В одном из них, под названием «Два галстука», Марлен играла американскую даму, которая появлялась на сцене с одной-единственной репликой: «Могу я вас попросить сегодня вечером

поужинать со мной?»

Так, пожалуй, продолжалось бы и дальше. Пухленькая симпатичная немецкая актрисочка играла маленькие роли, снималась в небольших эпизодах, растила бы свою единственную дочь Марию и восхищалась мужем Рудольфом Зибером, дела которого шли очень неплохо.

Но Судьба распорядилась иначе. Она решила превратить любительницу ячменного супа, толстых сарделек и пирожных в Голубого Ангела и для осуществления своего замысла отправила невысокого, лысоватого Джозефа фон Штернберга, талантливого голливудского кинорежиссера в Берлин. Он должен был найти актрису для студии «Парамаунт», она должна была затмить норвежскую красавицу Грету Гарбо, которая была гордостью студии Метро-Голдуин-Мейер.

ПИГМАЛИОН НАШЕЛ СВОЮ ГАЛАТЕЮ

Йонас Штернберг родился в 1894 году в Вене. Его отец Моисей Штернберг был, как тогда говорили, предпринимателем, то есть, брался за любую работу, приносящую хоть какой-нибудь доход.

Йонас, или как он себя называл на американский манер, Джозеф, перебивался случайными заработками, помогая семье. Отслужив два года в армии в 1917 году, Джозеф в 1923 году перебирается в Голливуд, где работает ассистентом у нескольких режиссеров, постигая основы и тайны киноремесла.

Упорный, настойчивый молодой человек вскоре получает возможность снять свой первый фильм «Охотники за спасением» (The Salvation Hunters). Этот фильм получил неожиданный успех, и Штернберг заключил контракт с Metro-Goldwyn Meyer. Так как продюссеры любят громкие имена, Штернберг добавил к своему имени аристократическую частичку «фон».

Его фильмы пользуются успехом. Несколько лет Штернберг работает на голливудской студии «Парамаунт». Там он снимает и свой первый звуковой фильм «Гром и молния»

(Thunderbolt).

Его мастерство совершенствуется, он досконально изучает возможности кинокамеры, светотени. «*Он был главнокомандующим фильма, его создателем в полном смысле слова»,* – говорила о Штернберге Марлен Дитрих, – *он лучше всех знал технику, руководил ею, лучше всех знал как поставить свет. Боготворили его и подчинялись ему все…»*

Этого невысокого, молчаливого человека, великого мастера, недаром называли «Рембрандтом камеры». Ведь внимание гениального голландца было обращено главным образом на передачу света и тени.

Джозеф Штернберг минимальными средствами превращал самые скромные вещи в роскошные предметы, вещи на экране у него выглядели всегда дороже, эффектнее, богаче чем они были в жизни. Достигал он этого, в основном, при помощи освещения. Он досконально знал как обрабатывать пленку, был непревзойденным мастером монтажа, многие операторы учились у него.

Вот такой человек появился в 1929 году в Берлине. Слух о том, что приехал знаменитый голливудский режиссер и собирается снимать фильм «Голубой ангел» (Der Blaue Engel) по

роману Генриха Манна «Учитель Унрат» облетел весь артистический Берлин. Особенно волновались дамы-актрисы: режиссер искал исполнительницу на роль Лолы-Лолы, певички из дешевого кабаре.

Больше всего шансов было у известной актрисы Люции Маннхайн. Но Штернберг был не очень доволен этим выбором и продолжал поиски. Марлен Дитрих он увидел в спектакле «Два галстука». Помните – там, где она произносила единственную фразу. Режиссер не мог оторвать от нее глаз. Марлен привлекла его, он интуитивно почувствовал, что нашел свою героиню. В тот вечер он покидал театр с твердым убеждением, что именно она будет сниматься в фильме.

Когда она пришла на кинопробу, он попросил ее пойти в гардеробную и выбрать себе костюм, который бы отображал характер будущей героини – певички дешевого кабаре. Марлен долго копалась в груде одежды и наконец явилась перед фон Штернбергом в черном цилиндре, корсете и черных чулках. Она создала точный образ Лолы-Лолы, он стал отображением целой эпохи. С тех пор Марлен Дитрих всегда сама создавала свои знаменитые костюмы, работая в тесном содружестве с лучшими дизайнерами. Но вернемся на студию УФА и посмотрим как развивались события.

А дальше произошло вот что:

«*Фон Штернберг предложил мне сесть на рояль, приспустить один чулок и спеть песню, которую я должна была приготовить. Никакой песни у меня не было, равно как и шансов на получение роли. Так я считала…»,* – вспоминала Марлен Дитрих.

Режиссер был терпелив: «Если вы не приготовили ни одной песни, хотя мы об этом вас просили – спойте ту, которая вам больше всего нравится».

– Мне нравится одна американская песня…

– Спойте ее.

Марлен стала объяснять пианисту что сыграть, она напевала мелодию, выбирала тональность. Фон Штернберг моментально включился в их диалог: «Вот это мы и будем снимать. Еще раз объясните пианисту как и что играть».

Это было снято на пленку, и на следующий день режиссер представил отснятый материал руководству студии. «Эту роль мы отдадим Люции Маннхайм», – сказало руководство. «А вот теперь, после кинопроб, я могу уже с уверенностью сказать, что буду снимать Марлен Дитрих», – заявил несговорчивый режиссер. И, как всегда, он добился своего.

Съемки начались буквально на следующий день. «И здесь произошло чудо, – вспоминал фон Штернберг, – между нами

возникла какая-то магическая связь. Марлен реагировала на все замечания режиссера с поразительной легкостью, она педантично выполняла каждое его указание, превратилась в его тень».

Фильм «Голубой ангел» вызвал бурю в обществе. Его сюжет не сразу приняли в бюргерской Германии, фон Штернберг многое изменил, заострил ситуации, придал драматизм всему фильму.

Но самое главное – он создал новую звезду, которой суждено было сиять на голливудском небосклоне. Творческий гений режиссера полностью переделал лицо Марлен, подчеркивая одно и убирая в тень другое. Он приподнимает ей наискось брови, выгодно освещает высокие скулы, складывает с помощью косметики губы изящным сердечком, светом и тенью превращает несколько широкий нос в подобие крыльев бабочки и даже заставляет беднягу вырвать четыре коренных зуба, чтобы щеки не были круглыми и лицо приобрело несколько вытянутую форму. Режиссер полностью создал ее имидж – длинные, обтягивающие вечерние платья, цилиндр и фрак с бабочкой – все это стало «фирменным знаком» Марлен Дитрих. Фон Штернберг создал Божественное Лицо, ставшее вечным брендом. Режиссер сотворил его огромным трудом, волей, талантом и человеческой страстью.

Премьера новой Марлен состоялась в фильме «Голубой ангел».

«Голубой ангел», – название ночного кабаре, где поет обворожительная и распутная певичка Лола-Лола. Она выходит на эстраду в черном цилиндре, корсете и шелковых чулках. С кружкой пива в руках она поет песню «Остерегайтесь блондинок». Ее фотографии рассматривают старшеклассники гимназии. Профессор Иммануил Рат возмущен, он считает, что эти фотографии безнравственны и мешают учебному процессу. Желая прекратить это, он сам идет в портовый ночной кабак, где воочию видит Лолу-Лолу. И тут происходит неожиданное: профессор влюбляется как мальчишка. Ночная встреча в «Голубом ангеле» переворачивает его жизнь. Он бросает работу и женится на шансонетке. Однако счастье было недолгим – красавица Лола встречает богатого поклонника и бросает несчастного профессора. На этом его злоключения не заканчиваются…

Фильм «Голубой ангел» точно отразил жизнь Берлина 30-х годов, моральное разложение общества, бум маленьких кабачков, где пиво лилось рекой. Этот фильм положил начало карьеры великой актрисы. С тех пор имена фон Штернберга и Марлен Дитрих произносились вместе.

Когда был сделан английский вариант фильма, Штернберг решил, что Дитрих должна сниматься в Голливуде. Он пригласил шефа студии «Парамаунт» Бена Шульберга приехать в Германию

и посмотреть фильм. Шульберг предложил ей контракт, по которому Марлен должна была сниматься в Голливуде в течение семи лет. Разговор был по-деловому кратким. «Я не хочу переезжать в Голливуд, я хочу остаться здесь, со своей семьей», – ответила Марлен.

Ее отказ разочаровал Штернберга, он был расстроен. «Ты сама не понимаешь чего ты лишаешь себя, – говорил он. – Тебя ждет мировая слава, твое имя будут произносить с восторгом, ты будешь звездой экрана». Марлен была непреклонна, Штернберг уехал в Америку, не дождавшись премьеры фильма, который был ему так дорог, благодаря которому он нашел свою Галатею.

…Дав протяжный гудок, корабль «Бремен» отчалил от пристани. На палубе стоял фон Штернберг со своим ассистентом и тот сказал, глядя на удаляющийся берег: «Я рад, что все закончилось. Надеюсь, что мы больше никогда не вернемся назад». Эти слова болью отозвались в сердце фон Штернберга, – он уже тосковал по Марлен, не зная, увидит ли он ее еще когда-нибудь.

1 апреля 1930 года «Голубой ангел» был впервые представлен берлинской публике. Символично, что именно в тот же вечер Марлен Дитрих отплывала в Америку. Она наконец решилась принять предложение студии «Парамаунт». Этому решению предшествовали длительные дискуссии и обсуждения в семье. Тщательно взвешивались все «за» и «против».

Руди Зибер, любящий и все понимающий муж, настаивал на том, чтобы Марлен подписала контракт и поехала в такую далекую и незнакомую Америку. «Ты поедешь, осмотришься, а потом будем решать кардинально. Нужно все разведать», – к такому выводу пришли оба после долгих обсуждений. «А бэби?», – жалобно спросила Марлен, глядя на малышку. «Я позабочусь о ней, у Марии будет прекрасная няня, а потом, если все будет хорошо, мы к тебе приедем», – твердо сказал Руди.

Он же настоял на том, чтобы Марлен взяла с собой свою костюмершу Рези. Итак, после премьеры «Голубого ангела» Марлен села в ночной поезд, который увозил ее в порт. Так началось восхождение Марлен Дитрих к славе.

БЕРЛИНСКАЯ ФРАУ В ГОЛЛИВУДЕ

«Я была создана фон Штернбергом от начала и до конца. Он затенил мои щеки, слегка увеличил глаза, и меня заворожила красота лица, которое смотрит на меня с экрана».

Марлен Дитрих

Семь дней штормило, выйти на палубу было совершенно невозможно. Марлен и ее костюмерша Рези все время находились в каюте. Бедная Рези плохо переносила океанскую качку и уже на второй день потеряла свой зубной протез. Марлен готовила ей протертые супы, пюре и, как могла, утешала.

Но наконец-то корабль прибыл в нью-йоркскую гавань, вовсю сияло солнце. Марлен Дитрих вышла из каюты в черном элегантном платье и норковом манто. Так потребовали агенты студии «Парамаунт». Нужно чтобы специально приглашенная европейская актриса, будущая кинозвезда показалась во всем блеске. Ожидавшие фотокорреспонденты защелкали камерами, просили улыбнуться, повернуться, спасибо, еще раз, а вот теперь, мисс Дитрих, ответьте на несколько вопросов. Но встречавшие Марлен представители «Парамаунт» сказали, что в четыре часа дня состоится пресс-конференция, и там мисс Дитрих ответит на все вопросы. Среди встречающих не было фон Штернберга, он находился на западном побережье. Представители «Парамаунт» привезли Марлен и беззубую Рези в отель, осведомились – все ли в порядке, и первой просьбой Марлен было найти дантиста для Рези.

Все было улажено, Рези надела новенький белоснежный зубной протез, первая пресс-конференция в Америке прошла удачно, и вице-президент компании «Парамаунт» Уолтер Вангер сказал Марлен, что хотел бы вместе с супругой показать ей ночной Нью-Йорк. Марлен позвонила фон Штернбергу, он посчитал, что она может пойти, но в случае каких-либо проблем должна немедленно ему позвонить.

Уолтер Вангер заехал за Марлен в отель «Амбасадор», и тут же извинился, сказав, что его жена, «к сожалению, неважно себя чувствует» и поэтому сопровождать Марлен будет он один. Деваться было некуда, и Марлен согласилась. Каково же было ее изумление, когда вместо обещанной экскурсии, она оказалась в

ночном ресторане, где каждый посетитель вытаскивал из-под столика бутылку со спиртным.

Это было время сухого закона в Америке. В полутемном помещении было шумно, накурено, Марлен чувствовала себя крайне неуютно. Вангер сказал: «Вы хотели услышать своего любимого певца Гарри Ричмена? Ну что же, – он здесь!»

Гарри Ричмен вышел на крошечный подиум и исполнил песню «Солнечная сторона улицы» – любимую песню Марлен. Она была потрясена, шокирована, испугана. Первой мыслью было – как бы отсюда тихонько уйти? Но тут Вангер пригласил Марлен танцевать. Вот этого она уже никак не могла допустить. Но тот, разгоряченный спиртным, присутствием красивой женщины, настаивал на своем.

Марлен сказала, что ей нужно отлучиться в туалетную комнату. Она взяла сумочку, очаровательно улыбнулась Вангеру и опрометью выбежала на улицу.

Чужая страна, чужой город, незнание языка – ничто ее не остановило, она бежала по темным улицам и вдруг увидела такси. Марлен отчаянно замахала руками, машина остановилась, она благополучно приехала в отель.

Вбежав в комнату, она тут же, задыхаясь от волнения, позвонила фон Штернбергу. Он молча выслушал ее рассказ, а потом сказал: «Выезжай самым ранним поездом. Скажи портье чтобы он сейчас же заказал тебе места. Никому не говори ни слова. Сделай все, чтобы как можно раньше уехать из Нью-Йорка».

…Путешествие из Нью-Йорка в Нью-Мехико, где Марлен и ее компаньонку ожидал фон Штернберг, было изнурительным. Стояла страшная жара, в крохотном купе нечем было дышать. Спасаясь от жары, Марлен и Рези лежали в мокрых простынях, но и это не помогало. Фон Штернберг ожидал их на вокзале, и они обе успокоились – с ними был надежный человек, «Сейчас все будет хорошо», – сказал он, и они ему поверили.

Фильм «Голубой ангел», который с огромным успехом прошел на всех экранах Америки, был лишь прелюдией к симфонии Славы, Поклонения, Обожания. Автором этой симфонии был невысокий, полный, несколько неуклюжий человек, гениальный мастер кинематографа – Джозеф фон Штернберг.

Она считала его божеством, своим Пигмалионом, а себя, разумеется, его Галатеей. Она говорила, обращаясь к нему: «Вы бог! Без вас я – ничто». Она безоговорочно подчинялась на съемочной площадке всем его требованиям, следуя каждому указанию, потому что понимала, что он творит из нее

ослепительную Звезду.

А когда дотошные журналисты выспрашивали режиссера, как он сотворил чудо Дитрих – он спокойно отвечал, в свойственной ему манере иронии: «Я не открыл Дитрих. Я – учитель, взявший в обучение прекрасную женщину, усиливший ее шарм, маскирующий ее недостатки, руководящий ею, и в результате всего выкристаллизовался подлинный образ Афродиты».

Марлен была его любимым творением. Она стала его прилежной ученицей. Она интересовалась фотографией, искусством монтажа, освещением. Он нашел освещение, сделавший ее облик совершенным. Он велел ей похудеть, и с тех пор она пила стаканами английскую соль, растворяя ее в горячей воде, сигареты и кофе стали постоянной диетой. Она, любительница пирожных и ячменного супа, похудела на 15 килограмм. Он научил ее разбираться в световых нюансах, принесших мировую славу ее неповторимому облику. Он открыл ей секреты мастерства. Она знала все о линзах и софитах, была своим человеком в монтажной, костюмерной и реквизиторской.

Знаменитый Хичкок, когда ему довелось работать с Марлен Дитрих, сказал, что она – «профессиональная актриса, профессиональный оператор и профессиональный модельер».

В своей книге Марлен пишет: «Когда операторы говорили Джозефу, что требуемое им выполнить невозможно, он сам брал в руки камеру и показывал как это делается. Для того чтобы учить, нужно уметь все делать самому».

Говоря о том, что Штернберг был для нее «всем»-Марлен ничуть не преувеличивала. Он, действительно был ее исповедником, критиком, учителем, советчиком, агентом, менеджером, начиная от покупки роллс-ройса до найма шофера. Он учил ее тысяче необходимых в жизни и в сложном мире Голливуда вещей. Он научил ее говорить по-английски. Он создал великую Марлен Дитрих. Создал – и сам пострадал от этого. Так нередко происходит с Творцами.

GLAMOUR – ГЛАМУР

Благодаря фон Штернбергу я стала «glamour» – звездой.

Он создал вокруг меня особый мир, который был пропитан гламуром.

Марлен Дитрих.

…Полукруглые нити бровей, взлетевшие словно крылья испуганной птицы, темные веки полуприкрытых глаз, тонкая сигарета в длинном золотом мундштуке, – таковы штрихи к портрету Марлен Дитрих. Такой она запечатлена на серебряных экранах голливудских фильмов, такой она была в жизни. Даже ее дом был устроен как театральная сцена со специальным освещением. Перед гостями она появлялась в своем новом облике «роковой, мистической, холодной Леди».

Она была символом ГЛАМУРА. Значение этого слова обозначить непросто. Оно возникло в 30-х годах, было порождением Голливуда и символизировало шарм, обаяние, романтический ореол, сексуальность, некий sex-appeal, словом все, чем отличались звезды серебряного экрана.

Во время расцвета Голливуда каждая студия имела своих Glamour Girls. У MGM были Джин Хэрлоу, Грета Гарбо, Джоан Кроуфорд. Студия «Парамаунт» имела своих «богинь экрана»: Мэй Уэст, Кэрол Ломбард, и, конечно, Марлен Дитрих.

Гламурные звезды должны были поддерживать свой имидж, который разработала для них киностудия. Каждая из них была идолом публики, им поклонялись, о них грезили, их обожествляли. Да, их было немного, и поэтому каждая подробность их биографий была известна миллионам поклонников. Фотографии «гламурных» звезд собирали, составляли из них коллекции, их стилю подражали.

Вечная женственность, тонкая эротика царили на экранах и подиумах. Излюбленными аксессуарами для вечера были страусовые перья, сверкающие драгоценности, ведь бриллианты – лучшие друзья девушек. Необходимы были также украшения из искусственных цветов, крепившиеся у плеча, на корсаже и талии, меховые палантины, глубокие декольте. Днем – небольшой изящный тюрбан, челка до бровей, густо подведенные черным карандашом глаза, ярко накрашенные губы, сигарета в длинном мундштуке.

Непременным символом звезд экрана был роскошный автомобиль. Он не был «средством передвижения», он был атрибутом, статусом звезды на голливудском небосклоне.

Фон Штернберг подарил Марлен Дитрих великолепный роллс-ройс. Она не любила быстрой езды – шоферу запрещалось ехать быстрее двадцати миль в час. Но как царственно Марлен смотрелась возле своего огромного, сверкающего полировкой, стеклом и металлом авто! Как изящно она выходила из него, показав сначала кончик туфли! Огромные толпы поклонников собирались у ворот киностудий чтобы увидеть лимузин звезды, ее выход из роскошного автомобиля.

Жизнь гламурных звезд была нелегкой: ежедневные уроки танца, движения, хороших манер, дикции, многочасовые примерки туалетов, фотосессии – работа начиналась с пяти часов утра и заканчивалась поздним вечером.

Термин «секс-символ» возник с появлением Мэрилин Монро. Это было намного позже, а до этого на экране не допускались никакие вольности. Ветер не развевал юбки, обнажая прелести кинозвезды, на экране не мелькали розовые панталончики и другие пикантные детали. «Мы все делали глазами», – говорила Мэй Уэст. Тогда, в начале тридцатых прошлого века, на экране царило целомудрие: никаких рискованных сцен или обнаженных тел.

Дитрих осталась неподражаемой в искусстве эротики. Она соблазняла взглядом, позой, но самым изысканным инструментом обольщения остался ее голос. Небольшой, но прекрасно модулированный, он передавал тончайшие нюансы страсти. Хемингуэй как-то сказал о Марлен: «Если бы у нее не было ничего другого кроме голоса, им одним она могла бы разбивать сердца».

Конечно, любовные сцены в полном костюмном облачении сейчас вызывают улыбку, но все равно мы смотрим с восторгом старые добрые голливудские фильмы с участием блистательных гламурных звезд.

Звездой мирового кинематографа Дитрих сделал первый голливудский фильм «Марокко», в котором участвовали кинозвезды Гэрри Купер и Адольф Менжу. Марлен играла роль певички из кабаре, проститутки Ами Жоли. В финале картины она оставляет пожилого художника-миллионера и идет босиком по пустыне вдогонку за своим возлюбленным-легионером Гэрри Купером. Героиня Дитрих отказывается от богатства ради любви.

«Марокко» побило все рекорды кассовых сборов, собрав немыслимый урожай хвалебных рецензий. Воодушевленный успехом, Штернберг за короткое время снимает три фильма с

участием Марлен: «Обесчещенная», «Шанхайский экспресс», «Белокурая Венера».

После завершения работы над фильмом «Обесчещенная» Марлен, получив разрешение Штернберга, отправилась в Берлин. Они с мужем решили, что настало время привезти дочь в Америку.

…Острый запах цитрусовых ворвался в открытое окно поезда, который, после долгого, но приятного путешествия привез Марлен Дитрих и шестилетнюю Марию в Калифорнию.

Девочка жадно рассматривала мелькавшие за окном пейзажи, она впервые видела деревья, на которых растут апельсины, грейпфруты. Плодов было так много, что, казалось, деревья просто разукрашены в оранжевые кружочки. «Неужели это все настоящее?»-спросила пораженная увиденным Мария. Ведь в Берлине апельсины были редкостью, недоступной для многих роскошью, их дарили, завернутыми в специальную бумагу, на Рождество. А тут их тысячи, и они просто висят на деревьях!

Это было первое из многочисленных чудес, которые открыла для себя Мария в Америке. По прибытии поезда, в купе вошел фон Штернберг и обнял Марлен. Она холодно отстранила его и спросила: «Ну что? Все ли готово? Может, мы наконец, выйдем из вагона?»

«Да-да, конечно, все готово, все вас ждет», – заторопился Штернберг, протянул руку Марии, взял несколько сумок из ее бесчисленного багажа и пошел к выходу.

На перроне их окружила толпа репортеров. Увидев гламурную кинозвезду с дочкой, они удивленно посмотрели на фон Штернберга. Было очевидно, что они не ожидали увидеть ребенка. Еще в Германии режиссер говорил Марлен, что голливудские студии не одобряют наличие детей у знаменитых актрис. «Роковая Леди», «Мистическая Звезда» не должна иметь детей – это удел простых людей, а она – небожительница. Но Марлен, как всегда, разрушила все существовавшие до нее устои.

«Ах, так?! – воскликнула она, – я не имею права быть матерью? Это МОЯ дочь. Она принадлежит МНЕ. Никакая СТУДИЯ не имеет права мне диктовать – иметь мне детей или нет. Если я и моя дочь вам не нравятся – мы уезжаем первым же пароходом», – она схватила Марию за руку, резко повернулась на каблуках и, гордо подняв голову, направилась к поезду.

Штернбергу стоило немало усилий замять начинавшийся скандал. Он пытался объяснить Марлен, что в Голливуде не было принято разглашать, что у знаменитых актрис есть дети. Он говорил быстро, взволнованно, но ответом было лишь каменное молчание Марлен.

Впоследствии боссы студии «Парамаунт» поняли, что можно получить существенную прибыль, используя материнскую любовь Марлен. Ведь ни одна студия не могла похвастаться кинозвездой, которую можно было назвать «Мадонна с ребенком».

Отдел рекламы напечатал тысячи открыток «Марлен Дитрих с дочерью», которые были разосланы поклонникам. Любопытная деталь: на фотографии были сняты только лица Марлен и Марии – невозможно было угадать сколько лет девочке. Долгие годы она оставалась «little girl».

Дом, который фон Штернберг выбрал для своей богини, был воплощением роскоши и аристократизма. Он стоял в глубине великолепного парка, там росли диковинные растения, роскошные кусты роз всех цветов и оттенков, конечно же, были два бассейна – огромный для взрослых и поменьше, для Марии. Они сверкали под ярким калифорнийским солнцем бриллиантами голубых искр. Девочка была потрясена. В специальном помещении ее ожидал очаровательный пони, весело возились щенки, что-то выкрикивал огромный белый попугай – словом, – жизнь была прекрасна.

Климат Калифорнии, вечное лето, обилие фруктов, радушие жителей, – все восхищало жительниц холодного Берлина. После съемок, на которых всегда присутствовала Мария, они часто шли к Тихому океану поплавать, полюбоваться заходом солнца, На пляже много смеялись, бегали наперегонки, наслаждаясь свежим ветром и свободой. Уставшие, возвращались домой. Потом еще долго звонили по телефону в Германию, рассказывая о событиях дня, и, счастливые, засыпали.

Они любили смотреть на звездное небо. Там часто летали рекламные самолеты студии «Парамаунт». Из них высыпались буквы, чертили на небе имя МАРЛЕН ДИТРИХ. Это была настоящая Слава.

«Штернберг обо всем заботился, он был нашим ангелом-хранителем, нашим отцом, нашим первым советчиком», – говорила Марлен.

Но, как оказалось, не все было так гладко и безоблачно. Однажды, когда шли съемки фильма «Белокурая Венера», Марлен получила письмо, составленное из букв, вырезанных из газеты. Некто угрожал похитить ее дочь. Нужно ли говорить о том, что испытала Марлен. Она была близка к помешательству. Она ни на секунду не отпускала Марию от себя, в доме была увеличена охрана, приняты все возможные меры предосторожности. Как всегда, фон Штернберг все организовал. Он разработал собственный план борьбы с шантажистами, держал под контролем все происходящее. Кроме того, он работал над

фильмами.

Прекрасный сказочный мир разрушился, на окнах установили решетки, Передвижения были ограничены, повсюду Марлен и Марию сопровождала охрана. Муж Марлен Руди Зибер и гувернантка Тэми приехали в Беверли Хиллс.

Пресса широко комментировала происходящее не гнушаясь публиковать смачные подробности семейной жизни актрисы. Поводов к этому было немало. Ее отношения с фон Штернбергом давали пищу для пересудов и сплетен. Кроме того, все знали, что в Германии живет муж актрисы, режиссер Рудольф Зибер. Их супружеские отношения закончились с рождением дочери, но они остались друзьями. Рудольф до конца своих дней считался официальным супругом Марлен Дитрих. Он был прекрасно осведомлен о череде любовников и любовниц своей жены. «Папи», – как она его называла, был доверенным лицом, советчиком, домохранителем, Марлен поверяла ему свои любовные тайны.

Впрочем, и он не был одинок. С 1931 года у него был любовный роман с русской эмигранткой, бывшей балериной, Тамарой Матул, «Тэми», – как ее называли в семье Дитрих. Мария обожала свою гувернантку – таков, для сохранения приличий, был статус Тамары. Марлен не возражала против этой связи. Она знала, что Тэми безумно любит Рудольфа, ей только не разрешалось иметь детей…

«МОЯ МАЛЕНЬКАЯ НЕМОЧКА»

Роскошный лайнер *SS Ill de France* являлся гордостью Франции. Его интерьер был сделан лучшими дизайнерами в стиле Art Deco. Огромные салоны, апартаменты, были отделаны драгоценными породами дерева. Зеркала в богатых рамах, столовое серебро и хрусталь – все сверкало, сияло, манило к себе. Невозможно было представить себе лучший фон для начавшегося романа Марлен Дитрих с Эрнестом Хемингуэем.

Когда она, в декольтированном вечернем платье из белого атласа, сверкая бриллиантами, спускалась по широкой лестнице, ведущей в банкетный зал, все взоры были обращены на нее. Марлен любила появляться позже всех, это привлекало всеобщее внимание.

Анна Уорнер, супруга могущественного голливудского продюссера Джека Уорнера, давала торжественный прием, и Марлен была в числе приглашенных. Это был роскошный банкет, – Уорнеры знали как принимать знаменитостей.

Марлен медленно подошла к банкетному столу и вдруг, к собственному ужасу, увидела, что за столом сидят двенадцать человек. «Прошу меня извинить, но я не могу сесть за стол – нас окажется тринадцать, а я суеверна», – сказала Марлен и собралась уходить. Ситуация казалась безвыходной, но внезапно перед ней возникла могучая фигура. «Прошу садиться, мисс Дитрих, я буду четырнадцатым!» Марлен никогда до тех пор не видела Хемингуэя, но читала его знаменитые романы «Фиеста», «Прощай оружие», его рассказы. Огромный, бородатый, Хемингуэй казался могучим великаном.

Они сидели рядом, оживленно разговаривая, казалось, что они знакомы уже давным-давно… В конце вечера Хемингуэй взял Марлен под руку и проводил ее до дверей каюты.

Их связывала особенная любовь: возвышенная и платоническая, любовь-дружба между двумя выдающимися людьми, которые были искренне привязаны друг к другу. Марлен называла Хемингуэя, как и все «Папа», а он ее – «моя Немочка». Они виделись не очень часто, но их переписка переросла в настоящий эпистолярный роман.

Эрнест был для Марлен надежной опорой, советчиком, «скалой Гибралтара», – как она его называла, и ему это нравилось. Они переписывались когда писатель жил на Кубе. Ценя ум Марлен, ее тонкое литературное чутье, ее образованность, Хемингуэй посылал ей свои рукописи, они часами разговаривали по телефону. Писатель говорил: «Я

считаюсь с ее мнением больше чем с суждениями многих критиков…»

Он считался с Марлен не только в вопросах литературы. Именно к ней он обратился когда нужно было «уговорить» Мэри Уэлш стать его женой. Мэри была последней, четвертой женой великого Хэма. Это было во время войны, Марлен тогда находилась в Париже. Они встретились в отеле Ritz, где в то время жил писатель. Он ей рассказал о своем неудачном романе, о том, что Мэри отвергает все его предложения.

«Марлен, помоги мне, ты и только ты сможешь ее уговорить стать моей женой», – говорил Хэм. Марлен взяла на себя эту нелегкую миссию, встретилась с Мэри, говорила с ней о достоинствах Хэмингуэя, она стала его полномочным послом, надев фрачный костюм, она разыграла страстную любовную сцену, предложив Мэри от имени Хемингуэя руку и сердце.

Мэри вначале была удивлена таким посредничеством, но потом, когда наступил вечер, она появилась с сияющей улыбкой и сообщила, что принимает предложение знаменитого писателя. «Я никогда не видела человека более счастливого, – говорила Дитрих, единственный свидетель этого события, – казалось, что сияющие лучи вылетали из его могучего тела».

Этот союз оказался на редкость счастливым. Мэри любила Хэма таким, каким он был: необузданным, эксцентричным, талантливым. К ней были обращены последние слова писателя: «Спокойной ночи, мой котенок…» Она же услышала 2 июля 1961 года и грохот рокового выстрела…

После его кончины Марлен писала: «Мне очень не хватает его. Если бы была жизнь после смерти, он поговорил бы со мной этими длинными ночами. Но он потерян навсегда, и никакая печаль не может его вернуть. Такая прекрасная жизнь угасла навсегда…».

Постоянная переписка Хэмингуэя и Марлен Дитрих завязалась, когда писателю было 50, а актрисе 47. Эти отношения Хемингуэй называл «разновременной страстью». Однажды он написал: «когда мое сердце бывало свободно, то Немочка как раз переживала романтические страдания. Когда же Дитрих с ее волшебными ищущими глазами плавала на поверхности, то погружен был я».

Актриса, в свою очередь, писала ему: «Дорогой Папа, пора тебе сказать, что я думаю о тебе постоянно. Перечитываю твои письма раз за разом и говорю о тебе лишь с избранными. Я перенесла твою фотографию в спальню и смотрю на нее довольно беспомощно».

Последним посланием Хемингуэя к Дитрих стала

рождественская открытка, которую он подписал вместе с женой.

Когда журналисты из журнала Life попросили Хэмингуэя рассказать о Марлен, он с удовольствием откликнулся на это предложение и написал восторженную оду о своей любимой Немочке.

«Она храбра, прекрасна, верна, добра, любезна и щедра. Утром в брюках, рубашке и солдатских сапогах она также прекрасна как в вечернем платье или на экране…

Я знаю, что, когда бы я ни встретил Марлен Дитрих, она всегда радовала мое сердце и делала меня счастливым. Если в этом состоит ее тайна, то это прекрасная тайна, о которой мы знаем уже давно».

«БЛУДНАЯ ДОЧЬ» ГЕРМАНИИ

Отдел рекламы студии «Парамаунт» намеренно раздувал всевозможные истории из личной жизни знаменитых актеров. Марлен не была исключением. Более того, как это часто бывает, некоторые аспекты ее фильмов отождествлялись с нею самой, возникали пересуды, сплетни. Боссы студии считали, что два звездных имени – фон Штернберга и Дитрих – слишком много для одного фильма, это увеличивало стоимость производства фильма.

Неоднократно студия пыталась разлучить режиссера и «его» звезду. Но поскольку контракт Дитрих обуславливал выбор режиссера, да и характер у нее был непреклонным, их творческий союз оставался нетронутым. Но настал роковой день, когда этот союз распался. «Поверь, так будет лучше для тебя», – сказал фон Штернберг. «Ты всегда верила мне, поверь и на этот раз».

Фильм «Дьявол-это женщина» стал последним, который Штернберг снял со своей любимой актрисой, со своей Галатеей.

Положение на студии «Парамаунт» осложняли частые конфликты с руководством. Проблемы множились, образуя снежный ком противоречий и неприятностей.

«Корабль остался без руля. Никакая слава не могла заменить то, что давал он, большой Художник и Человек», – говорила Марлен Дитрих о фон Штернберге.

Скандал, вызванный разрывом Дитрих и Штернберга, был оглушительным, об этом трубили все возможные средства информации. И вот тут оживились представители гитлеровского рейха, которые жаждали вернуть из «голливудского логова» принадлежавшую им, как они считали, блудную дочь великой Германии – Марлен Дитрих!

Начиная с 1935 года они строили золотой мост, по которому Марлен должна была вернуться на родину. Как же иначе! Самая прославленная немецкая актриса, которая находится во вражеском логове – Голливуде, чистейшая арийка, из семьи прусских офицеров.

Гитлеровский рейх стремился вернуть беглянку в Фатерлянд. С ней тайно встречался сам Рудольф Гесс, заместитель фюрера по партии и прямо сказал, что фюрер ждет ее возвращения. «Пусть ждет», – Марлен характерным для нее жестом пожала плечами.

Все средства были хороши, они не брезговали ничем. Как только стало известно о разрыве с фон Штернбергом, к актрисе явился представитель германского консульства в США и дал ей текст передовой статьи, которая, по личному распоряжению

рейхсминистра пропаганды д-ра Йозефа Геббельса, появилась во всех крупных немецких газетах.

В ней говорилось: ***«Наши аплодисменты Марлен Дитрих, которая наконец-то уволила еврейского режиссера Йозефа фон Штернберга, всегда заставлявшего ее играть проституток и иных порочных женщин, ни разу не предложившего ей роли, которая была бы достойна этой великой гражданки и представительницы Третьего Рейха… Марлен следовало бы сейчас вернуться на родину и принять на себя роль руководительницы германской киноиндустрии, перестав быть инструментом в руках злоупотребляющих ее славой голливудских евреев».***

Марлен докладывали из разных источников, что она является любимой актрисой Гитлера, что он всякий раз, посмотрев фильм с ее участием, восклицает: «Она принадлежит Германии!»

Сама Марлен рассказывает о своем визите в немецкое посольство находившемся в Париже. Ей нужно было по настоянию американских чиновников продлить немецкий паспорт, чтобы получить вид на жительство в Америке.

Она решила идти одна: фон Штернберг в это время был в Америке, ее мужа Рудольфа мог подвести темперамент, а с этими господами из посольства нужно разговаривать весьма спокойно и дипломатично.

«Таким образом, в полном одиночестве, я вошла в пасть льва. Лев имел фамилию Вельчек и был послом гитлеровской Германии… Вельчек взял мой паспорт и сказал назидательно, что мне нужно возвращаться в Германию, а не становиться американкой.

Он пообещал мне «триумфальный въезд в Берлин через Бранденбургские ворота». Я тут же представила себя в роли леди Годивы и невольно расхохоталась. Чтобы поддержать беседу, я ответила послу, что с удовольствием вернусь, если господину Штернбергу будет предоставлена возможность снять в Берлине фильм.

Повисло тяжелое молчание. «Вы не хотите фон Штернберга потому что он еврей?» – поинтересовалась я», – вспоминала Марлен Дитрих.

Это был, прямо скажем, смертельный номер. Нечто подобное могла себе позволить только она, отважная кинозвезда.

После ее вопроса присутствующие в комнате сразу заговорили. «Вы там в Америке отравлены этой пропагандой. У нас в Германии нет антисемитизма». Марлен ответила: «Вот и чудесно. Я буду ждать когда вы установите контакт с господином фон Штернбергом. И я надеюсь, что немецкая пресса наконец

изменит отношение ко мне и к господину фон Штернбергу».

Посол сказал: «Слово фюрера, что все ваши пожелания будут исполнены как только вы вернетесь домой».

Посол встал, сделав легкий поклон, давая понять, что аудиенция окончена. В сопровождении четырех мужчин бледная и испуганная, Марлен направилась к выходу. Она дрожала. Руди взял ее под руку и они направились к машине. На следующий день она получила паспорт.

Марлен всегда была «под колпаком», за ней велась слежка. Они знали о ней все, ни на секунду не спускали с нее глаз. «Этот ужасный человек в Берлине хотел заполучить меня любой ценой», – говорила Марлен о Гитлере.

Марлен Дитрих всегда была далека от политики. Она последовала за Штернбергом в Голливуд в 30-м году, не подозревая о том, что произойдет в Германии, стране, которую она любила всем сердцем.

Но в 1935 году, когда на Германию надвигалась коричневая чума, актриса сделала осознанный политический шаг: она прервала все съемки, созвала пресс-конференцию на студии «Парамаунт», где руководитель отдела PR от ее имени объявил, что Марлен Дитрих порывает все связи с Германией и просит американские власти предоставить ей гражданство США.

В своей книге ее дочь Мария Рива так пишет об этом эпизоде: «Я увидела в тот момент глаза матери. Они были заплаканными и опухшими, мама все время отворачивалась, чтобы не было видно ее лица».

В июне 39-го всю мировую прессу обошла фотография с изображением Дитрих, принимающую американское гражданство. Берлинская газета Die Sturmer сопроводила фотографию следующим комментарием:

«Немецкая кинозвезда Марлен Дитрих провела так много времени среди голливудских евреев, что решила стать американской гражданкой. На этой фотографии она получает соответствующие документы в Лос-Анджелесе. Еврейский представитель закона принимает от Дитрих клятву верности Америке. Этим она предает свой Faterland».

«ЗОЛОТАЯ ПУМА»

«Они встретились на кинофестивале в Венеции. Марлен сидела со Штернбергом в ресторане «Лидо» за обедом, когда к их столику подошел незнакомый мужчина.

– Господин фон Штернберг? Мадам? Вы разрешите?

Марлен не любила когда с ней заговаривали незнакомые люди, но ее очаровал его глубокий выразительный голос. Она оценила тонкие черты лица, чувственный рот и глаза хищной птицы, взгляд которых смягчился, когда он поклонился ей.

– Позвольте представиться. Эрих Мария Ремарк.

Марлен протянула ему руку, которую он учтиво поцеловал. Фон Штернберг жестом велел официанту принести еще один стул и предложил:

– Не присядете ли к нам?

– Благодарю. Если мадам не возражает.

В восторге от его безупречных манер Марлен Дитрих слегка улыбнулась и кивком головы предложила ему садиться.

– Вы выглядите слишком молодым для того, чтобы написать одну из самых великих книг нашего времени, – проговорила она, не спуская с него глаз.

– Может быть, я написал ее всего лишь для того, чтобы однажды услышать как вы произнесете эти слова своим волшебным голосом, – щелкнув золотой зажигалкой, он поднес ей огонь; она прикрыла язычок пламени в его загорелой руке кистями своих тонких белых рук, глубоко втянула сигаретный дым и кончиком языка сбросила с нижней губы крошку табака.

Фон Штернберг, гениальный постановщик, тихо удалился. Он сразу распознал любовь с первого взгляда».

Так описывает сцену знакомства Дитрих с Ремарком дочь Марлен.

После того как Штернберг покинул студию «Парамаунт», Дитрих испытала еще один удар. Ее, также как и кинозвезд Грету Гарбо, Кэтрин Хепберн, Джоан Кроуфорд и других, объявили «кассовой отравой».

Дело в том, что студии продавали «звездный» фильм с «нагрузкой» – к основному фильму прилагалось пять-шесть второсортных картин той же студии. Владельцы кинотеатров взбунтовались – тогда студии просто перестали снимать тех, чье участие в фильме оплачивалось по «звездной» ставке. В немилость попали самые лучшие актрисы, приносившие большой доход и славу Голливуду. Карьера Марлен застопорилась, и она решив устроить себе и своей семье долгие каникулы, уехала в

Европу.

У Ремарка сложилась почти аналогичное положение: всемирную известность ему принесло одно-единственное произведение – «На Западном фронте без перемен». Но вскоре слава обернулась другой стороной.

«За всю историю книгопечатания только Библия по числу проданных экземпляров стояла впереди этой книги немецкого автора», – писали литературные критики. Так же как и Дитрих, он, не будучи евреем, покинул Германию, презирая ее национал-социалистическую политику, и с тех пор жил в Европе. Ремарку не удалось спасти мир, поведав людям об ужасах Первой мировой войны. На родине жгли его книги. Германия готовилась к новой войне. Шел 38-й год. Ремарк уже шестой год жил в эмиграции. Он часто бывал в Венеции. Также как и Марлен Дитрих, писатель любил этот удивительный город. Их встреча произошла во время венецианского кинофестиваля.

На следующее утро после первой встречи Марлен встретила его на пляже. Она читала стихи любимого поэта – Рильке. «Я вижу, вы любите хорошие книги», – сказал Ремарк. Марлен прочла несколько стихотворений на память. Ремарк был поражен: кинозвезда, которая знает поэзию?! Это невероятно!

Золотые венецианские закаты, песни гондольеров, маленькие рыбацкие деревушки, любимое шампанское Ремарка «Дом Периньон», – таков был фон их романа. Затем – Париж, роскошный бело-золотой отель «Ланкастер», Марлен останавливалась в апартаментах под номером 45. Там всегда стояли лиловые орхидеи и белые розы, Ремарк опустошал цветочные магазины Парижа. Они посещали ночные клубы которые оба любили. Ремарк был тонким знатоком вин, он мог определить название, дату производства вина сделав лишь первый глоток, не глядя на этикетку. Это доставляло ему большое удовольствие.

В то лето 38-го Ремарк начал работу над романом «Триумфальная арка». Прообразом главной героини Жоан Маду была Марлен Дитрих, а себя Ремарк вывел под именем Равика – эмигранта из Германии.

Именем Равик Ремарк подписывал свои многочисленные страстные письма к Марлен, в которых изливал душу, истосковавшуюся по любви, измученную ревностью, – Марлен давала к этому немало поводов.

Кроме Дитрих у Ремарка были еще два предмета страсти: великолепная художественная коллекция и машина марки «Ланчия», он ее описал в романе «Три товарища». Он называл машину «серой пумой», а Марлен – «золотой пумой». Он их

представил друг другу, – он надеялся, что «серая пума» поймет его любовь к «золотой пуме». Чтобы они подружились и привыкли друг к другу, Ремарк часто совершал длинные автомобильные поездки с Марлен.

О коллекции Ремарка нужно сказать особо: в нее входили работы Эль Греко, Ван Гога, Модильяни, Ренуара, бесценные ковры, много музейного антиквариата.

Их отношения были мучительно-нервными, Марлен не могла хранить верность одному мужчине, она была центром своего окружения, ее боготворили. Раздираемый комплексами и ревностью, Ремарк днем работал над романом, а вечерами забывался алкоголем. Писал он с большим трудом, затрачивая иногда часы на одну фразу. «Он был грустным и очень ранимым человеком, и я видела как часто он впадал в отчаяние», – говорила о своем друге Марлен.

А он, пытаясь оправдать и понять Марлен, говорил ее дочери, с которой подружился: «Она производит тысячу оборотов в минуту, а для нас норма – сто. Нам нужен час, чтобы выразить любовь к ней, она же легко справляется с этим за шесть минут и уходит по своим делам».

…Лето 39-го в Антибе было божественным. Огромные бассейны, наполненные морской водой цвета сапфира, неправдоподобно голубое море, белоснежный отель, яркие одежды отдыхающих – казалось, этот праздник жизни будет вечным.

Там собралась великолепная компания актеров, музыкантов, писателей, представителей мировой богемы. В то лето там отдыхала также и большая семья Джозефа Кеннеди, в то время он был послом США в Англии. У Кеннеди-старшего была небольшая вилла по соседству, там жила его скромная, тихая жена и девять детей, отчаянных сорванцов.

У отца будущего президента была репутация изрядного ловеласа, он познакомился с Марлен на пляже и открыто за ней ухаживал.

15-летняя Мария бегала наперегонки с оравой детей клана Кеннеди, она особенно подружилась с Джоном, который был старше ее на семь лет. Тогда, в то лето, она почувствовала дыхание первой любви…

Они вдвоем далеко уплывали, потом, уставшие, бросались на золотой песок, загорали до черноты – жизнь была прекрасна!

В роскошном Grand Hotel du Cap d’Antibes где предпочитали останавливаться звезды кино и политики, все чувствовали себя как дома. Это был райский уголок Лазурного берега французской Ривьеры, там все располагало к безмятежной жизни,

безудержному флирту, головокружительным романам. Прекрасно себя чувствовала и «семья» Дитрих, которая состояла из «Мутти», «Паппи», их дочери Марии, фон Штернберга, Тэми и Ремарка, их всегда сопровождал общий любимец-веселый и дружелюбный пес Тедди.

«Все вели себя так, как будто предчувствовали, что вскоре наступит совсем другое время, что это лето останется лишь в памяти, а действительность будет окрашена в иные цвета, белое и голубое уступят место коричневому», – писала Мария Рива в своей книге о матери, Марлен Дитрих.

В то лето Дитрих внезапно получила предложение от голливудского режиссера Джо Пастернака сняться в вестерне «Дестри снова в седле». Это означало, что период ее «изгнания» из Голливуда закончен, и она, Марлен Дитрих – снова возвращается на экран.

Марлен не сразу согласилась сниматься, но был созван «семейный совет», в который входили ее муж, «друзья дома», и сообща было решено принять предложение Пастернака.

БЕГСТВО НА «СЕРОЙ ПУМЕ»

Астрологи и звездочеты, количество которых всегда увеличивается в смутные времена, предсказывали начало войны к лету 1939 года. Глава клана Кеннеди заверил Марлен, что, в случае опасности, он эвакуирует свою семью в Англию и позаботится о членах ее семьи, так что она может спокойно ехать в Голливуд работать над новым фильмом. Предвидя опасность, Рудольф Зибер заказал грузовой автомобиль, и началась упаковка багажа.

Марлен взяла руку Марии, вложила ее в ладонь Ремарка и сказала: «Любимый, я вверяю тебе своего ребенка. Защити ее, сохрани ее ради меня!» На следующий день она уехала в Париж, а оттуда в Голливуд.

Как только стало известно, что Гитлер и Сталин 23 августа 1939 года подписали Договор о ненападении, все огромное семейство Кеннеди моментально покинуло Антиб.

Из уст в уста передавался короткий приказ Джо Кеннеди: «Немедленно уезжайте из Франции! Начинается война! Немцы могут добраться до Антиба за один час!»

Используя могущественные связи, Марлен из Америки забронировала места для своей семьи на английском пароходе Queen Mary, который отправлялся из Шербурга 2 сентября 1939 года. Нужно было успеть добраться до Парижа, положение было отчаянное, горячее дыхание предстоящей войны уже чувствовалось повсюду. Было решено, что Ремарк и Мария поедут налегке в его машине, а Руди, Тэми, и верный пес Тедди вместе с багажом будут следовать за ними в грузовичке.

Ехать было трудно, дороги были запружены беженцами, которые также как и семья Дитрих, пытались уехать из Франции. Почти невозможно было пробираться сквозь ряды машин из-за большого количества крупного рогатого скота, – фермеры перегоняли его в безопасные места.

«Мария, запомни это, – говорил Ремарк, – запомни это на всю жизнь. Чувство отчаяния, страха, злость французских фермеров, эти стада быков, все это – порождение вермахта».

Ремарк пережил ужасы первой мировой войны, он знал что может произойти, он писал об этом в своих книгах, из которых делали костры на улицах Германии.

Путь был долог, они останавливались лишь на автозаправках, Ланчия, его верная «серая пума», не выдерживала нагрузки, мотор перегревался. У них не было времени на длительные остановки, – необходимо было успеть на пароход. Ремарк поднял крышку

капота, чтобы охладить мотор. Это мешало ему, было трудно вести машину, он не видел дороги. Он ругал свою верную «пуму», упрекал ее в том, что она ему изменила, подводит его.

Наконец они приехали в Париж. Город было не узнать, его окутала тьма. Ремарк ехал очень медленно, они остановились на пару минут возле Эйфелевой башни. Еще год тому назад она сияла в огнях, сейчас ее силуэт был едва различим на темном небе.

«И это Париж – Город Огней?» – грустно прошептал Ремарк. «Прекрасный Париж, впервые он погасил свои огни. Мы должны попрощаться с ним, пожелать ему вернуть прежний блеск. Мария, мы с тобой пойдем в мой любимый ресторан Фуке на Елисейских полях и проведем пару прощальных часов в Париже».

Они приехали в гараж, Ремарк отдал ключи от машины хозяину гаража и сказал: «Если тебе нужно будет увозить свою семью из Парижа, бери мою Ланчию. Она помогла нам, вывезет и тебя». Он бросил прощальный взгляд на «серую пуму», взял Марию за руку и они пошли к знаменитому ресторатору, тонкому знатоку вин Фуке.

Его винный подвал с бесценными винами, коньяками 1911 года, был опустошен в ту ночь.

«Месье, – обратился знаменитый французский сомелье к Ремарку, – мы ничего не оставим бошам, выпьем все до капли». Ремарк согласился, он наполнил небольшой бокал для Марии. «Ты запомнишь это на всю жизнь: вкус вина, ресторан Фуке и повод по которому мы выпиваем. Ты запомнишь это и расскажешь своим детям».

Гитлер уже бомбил Варшаву, его армия вошла в Польшу. Ремарк и Мария, а также остальные члены семьи Дитрих успели к пароходу, они встретились все вместе в Шербурге, у причала. Огромный пароход Queen Mary покачивался на волнах. Но куда девалось его былое величие, имперская красота? Вместо ярких гирлянд, букетов живых цветов, нарядной толпы, палубы заполнили люди в серых, темных одеждах, толпы беженцев старались поскорее занять любые места на палубах.

Некогда роскошный обеденный зал был превращен в ночлежку, повсюду стояли, лежали, сидели растерянные, испуганные люди. Спали на бильярдных столах, из бассейнов выпустили воду, там тоже размещались беженцы. Не существовало различий на классы, – всех объединяли одинаковые чувства: страх за близких, боязнь перед будущим.

Люди опасались, что немецкие субмарины могут предпринять военные действия против английского корабля. Было приказано надеть спасательные жилеты. Паника постепенно овладевала

огромным кораблем и его пассажирами. Капитан по радио объявил режим соблюдения тишины. Ходили слухи, что корабль изменил курс и идет в Канаду. Марлен послала туда частный самолет с доверенным лицом, чтобы переправить всех в Америку…

Какой сумасшедшей радостью сменились отчаяние и испуг, когда, наконец, показалась ОНА – Статуя Свободы! Корабль заходил в нью-йоркскую гавань. Верхняя палуба была переполнена, люди кричали, плакали, смеялись, – они были спасены! Они были дома!

Мария, Ремарк, Рудольф, Тэми обнимались, плакали от счастья и даже верный пес Тедди, почувствовав всеобщее ликование, тоже по-своему выражал восторг.

«Мы в Нью-Йорке!», – раздался в телефонной трубке голос Марии, и Марлен в голливудской студии тоже расплакалась от счастья. Она хотела услышать голоса всей своей «семьи», поговорить с каждым, убедиться, что все живы.

В Нью-Йорке дыхание войны совсем не чувствовалось, там проходила Всемирная выставка, газеты опять публиковали огромные фото Марлен Дитрих, она снималась в фильме «Дестри снова в седле», и журналисты с удовольствием описывали красочные подробности ее романа с мужественным красавцем Джеймсом Стюартом, исполнителем главной роли.

Фильм имел большой успех, студия Universal заработала свои капиталы, а Марлен снялась еще в нескольких фильмах Джо Пастернака, продюссера и режиссера, тоже в свое время иммигрировавшего в Голливуд из Европы.

Живя в Калифорнии, рядом с Марлен, Ремарк страдал, он понимал, что их роман завершен, редкие встречи заканчивались бурными выяснениями отношений.

Получив от него письмо со словами любви и страданий, Марлен приглашала его к себе, называла по обыкновению, «своим единственным», иногда позволяла любить себя.

Но Ремарк знал цену ее словам. В своем романе «Триумфальная арка» он рассказал грустную историю их любви устами главного героя – Равика:

«Я тебе ничего не хочу внушать. Лучше расскажу тебе сказку про Волну и Утес. Старая история. Старше нас с тобой. Слушай. Жила-была Волна и любила Утес, где-то в море, скажем, в бухте Капри. Она обдавала его пеной и брызгами, день и ночь целовала его, обвивала своими белыми руками. Она вздыхала, и плакала, и молила: «Приди ко мне, Утес!» Она любила его, обдавала пеной и медленно подтачивала. И вот в один прекрасный день, совсем уже подточенный, Утес качнулся и рухнул в ее объятия.

– Ну и что же? – спросила Жоан.

– И вдруг Утеса не стало. Не с кем играть, некого любить, не о ком скорбеть. Утес затонул в Волне. Теперь это был лишь каменный обломок на дне морском.

Волна же была разочарована, ей казалось, что ее обманули, и вскоре она нашла себе новый Утес».

Мудрый и грустный Ремарк был прав. Вскоре Марлен нашла новый Утес. Его звали Жан Габен.

«JEAN, C'EST MARLENE!»

«Жан, это Марлен», – произнес на безупречном французском языке чуть хрипловатый женский голос, который сводил с ума великих и сильных мира сего. Габен прижал плотнее к уху телефонную трубку…

Так начался их роман – бурный, головокружительный, по-французски изысканный, по-голливудски разрекламированный. Роман, ставший источником страстей и страданий для обоих.

Марлен ждала прибытия Габена в Голливуд, еще в 1938 году она послала телеграмму Рудольфу Зиберу: ***«Паппи, я слышала, Габен приезжает сюда. Выясни. Я первая должна заполучить его».***

И она его заполучила. Американский контракт позволил Габену уехать из оккупированной Франции в Голливуд. Габен не знал, что на другом континенте его ждет женщина, страстно желавшая заключить его в свои объятия и всегда – *всегда!* – получавшая желаемое. В том числе и Любовь.

Жан Алексис Габен Монкорже (таково настоящее имя Габена) родился в 1904 году в Париже, в семье железнодорожного рабочего. Но в душе его отца жила любовь к театру, к сцене. Он мечтал стать большим актером. Однако ему пришлось довольствоваться второстепенными ролями в небольших театриках. Мать Жана тоже выступала на сцене, пела в дешевых кабаре. Отец мечтал, что его сын станет актером, осуществит его мечту, он заставлял его играть на сцене, учил актерскому ремеслу.

Но Жан мечтал стать машинистом паровоза, мчаться сквозь тьму на огромном составе, сверкая фарами, пронзая ночь длинным протяжным гудком.

Жизнь распорядилась иначе, и он стал знаменитым актером, гордостью Франции, но до этого ему пришлось узнать жизнь во всем ее многообразии. Он грузил мешки с углем, работал на сталелитейном заводе, служил на флоте. А потом вернулся в театр – так казалось надежнее. У него был приятный, «французский», с хрипотцой голос, мужественная внешность, он прекрасно двигался, танцевал, и успех пришел к нему.

В начале тридцатых годов веселый парень в кепке, сдвинутой на затылок, вихрастый, беззаботный, шагнул с эстрадных подмостков на экран. В первый же день съемок он обратился к съемочной группе: «Я хочу сразу вам сказать. что я ничего не смыслю во всей этой технике. Но раз решено сниматься – так сниматься. По-моему, я так же мало создан для кино как для того

чтобы быть епископом. Но раз нужно – значит нужно. По крайней мере, я вас предупредил».

Габен был неукротим, его буйный нрав всегда выплескивался на окружающих. С ним опасно было вступать в перепалку. Даже в кино он всегда просил режиссеров, чтобы в фильме была сцена «гнева», которая заканчивалась дракой. Так было когда он снимался в дешевых фильмах.

Блестящий французский режиссер Жан Ренуар сделал его «тем самым Габеном», который приобрел всемирную известность. Вот таким прибыл этот внешне суровый, молчаливый человек в Голливуд. Его приняли с распростертыми объятиями. Сначала его поселили в роскошный отель, к его услугам были лимузин и яхта, малейшая прихоть исполнялась моментально, он стал королем Голливуда. В его честь устраивались шумные party, на него приходили смотреть, он был новой игрушкой фабрики звезд.

Он чувствовал себя неловко: он ненавидел всю эту суету, шумиху, все то, что называлось голливудский *гламур*.

Но железная рука в бархатной перчатке, принадлежащая несравненной Марлен Дитрих, решительно взяла Габена в любовный плен. Марлен, понимая как Габен тоскует по своей родине, создала для него малую Францию в Калифорнии. Она сняла небольшой домик, – *их* домик, она одевалась как парижанки, говорила только по-французски, носила маленькую косыночку на шее, лихо натягивала берет на одну сторону, готовила исключительно французские блюда – она была отменной кулинаркой.

Более того, Марлен, засучив рукава и надев большой белый кухонный фартук, готовила любимые блюда для всей французской коммьюнити, которую составляли актеры, режиссеры, приехавшие из оккупированной немцами Франции. Все они находили приют, понимание, а также вкусную еду в небольшом, уютном, обставленном во французском стиле, доме.

Жан называл Марлен «Ma Grande», что довольно сложно перевести. Можно сказать, что это – дословно как «моя большая», означало для него: «моя женщина», «моя гордость», «мой мир». Когда Марлен по-немецки говорила: «Жан, любовь моя», – перевода не требовалось, интонация и ее глаза говорили довольно красноречиво.

Однако как бы она ни старалась, Габен не смог прижиться в Голливуде. Шарм его французского языка, который приводил в трепет всех голливудских красоток, исчезал как только он начинал говорить по-английски. Марлен часами занималась с ним, пытаясь исправить его произношение, но, увы, – ничего не получалось. Он злился на себя, на нее, на Голливуд, на эту

проклятую войну, которая заставила его уехать из обожаемой Франции.

Голливудские режиссеры тоже разочаровались в новом приобретении. Американской звезды из него не вышло, и он сделал все, чтобы расторгнуть контракт и уехать во Францию, сражаться против немецких оккупантов. Мысль о том, что его друзья берутся за винтовку в то время как он живет в Голливуде в роскоши и довольствии, была для него невыносима.

Марлен была безутешна. Она плакала, рыдала, умоляла остаться, – все было напрасно. Любимый мужчина, супермен, каким его считали и каким он был, уезжал на войну, чтобы защитить свою родину, он выполнял свой мужской долг. Марлен это отлично понимала, и от этого любила его еще больше.

Она провожала его. Они поехали в нью-йоркские доки, где он сел на танкер. Они поклялись друг другу в вечной любви, и он поднялся на судно. Она осталась одна на причале, чувствуя себя совершенно покинутой. Их связь прервалась – ведь была война. Но Марлен не была бы сама собой, если бы не нашла выход из этого почти безвыходного положения. Найти любимого! Увидеть его, прижаться к его могучей груди – было ее мечтой.

ВОЙНА И ЛЮБОВЬ

Она полетела вслед за ним. Официально это называлось гастрольным турне, она была в составе актерских бригад, которые выступали перед солдатами в госпиталях, а также занимались агитацией продажи облигаций военного займа. Это было невероятно утомительно. У Марлен и ее коллег было по восемь выступлений в день, иногда приходилось выступать и ночью. Она одна собрала миллион долларов. Этому способствовала невероятная популярность Дитрих, ее умение владеть аудиторией, ее шарм, ее актерское мастерство.

Она была образцом мужества и выдержки даже для видавших виды солдат и генералов. Заболев однажды воспалением легких, она долгое время не обращала на это внимание и это едва не стоила ей жизни.

В роскошном концертном платье, в военной гимнастерке и сапогах – в зависимости от обстоятельств, Марлен пела в госпиталях перед ранеными и перед солдатами в минуты короткого отдыха.

Всегда в свой репертуар она включала любимую солдатами песню «Лили Марлен». Простая и незатейливая, песня рассказывает о том как солдат грустит о любимой девушке по имени Лили Марлен, как мечтает провести с ней хоть пару часов. Песня «Лили Марлен» была переведена на множество языков и звучала по разные стороны фронтов Второй мировой войны.

Популярность песни можно сравнить с успехом песни «Синий платочек» или «Катюша», – все они о том же, о мечте солдата вернуться живым с фронта к своей любимой.

Во время жесточайших боев у Монте Гассино, она, рискуя жизнью, пела в непосредственной близости от линии фронта. Во время Арденской битвы она попала в окружение вместе с одним из американских подразделений, в котором давала концерт и была на грани обморожения.

Эта хрупкая, избалованная голливудская кинозвезда являла чудеса героизма, она разделяла окопную жизнь, ей приходилось ночевать в блиндажах, где хозяйничали крысы, научиться избавляться от вшей, голодать, терпеть холод. Никто не услышал от нее жалобы, она поддерживала упавших духом. Она была примером человека, которого нельзя было ни испугать, ни купить.

Единственное, чего она опасалась – это попасть в плен. Нетрудно представить, что бы сделали с ней нацисты…

Зимой 1944 года Марлен получила известие о том, что фронт укрепляют второй танковой дивизией «Свободная Франция». Это

было подразделение, в котором служил Жан Габен, и Марлен, очертя голову, ринулась чуть ли не на передний край, где перед самой атакой, уже в сумерках, нашла замаскированные и готовые к бою танки.

Она чувствовала, что Габен находится где-то рядом, и выпросила у сержанта его джип. Спустя много лет, она вспоминает об этом с волнением и страстью:

«Уже стемнело, и вдруг я увидела танки, стоящие на лугу. Я начала бегать от танка к танку, пытаясь обнаружить седую шевелюру. Танкисты сидели на броне своих машин, глядя в надвигающуюся темноту. Я громко позвала Габена. Фигура на стоящем вблизи танке шевельнулась и повернулась ко мне. «Черт побери!» – заорал знакомый мне голос. Габен спрыгнул с танка и сгреб меня в объятия. Мы забыли обо всем на свете, о тех, кто вокруг нас».

Это неожиданное свидание было коротким – раздался звук трубы, Габен вновь прыгнул в танк, и вскоре ничего уже не осталось, кроме тучи пыли и рокота мотора. Марлен долго смотрела вслед, пугаясь мысли, что видит Жана в последний раз.

К счастью, это было не так. Они встретились после войны, но это уже была другая жизнь…

Полная опасностей и лишений работа в составе фронтовой бригады была оценена правительствами Америки и Франции. Марлен Дитрих получила самые высокие награды – американскую «Медаль Свободы», французские «Кавалер ордена Почетного Легиона» и «Офицер ордена Почетного Легиона».

«Эти ордена сделали меня по-настоящему счастливой. Франция, любимая мною страна, оказала мне, простому американскому солдату, большую честь», – писала Марлен в своей книге.

Закончилась война. В июле 1945 Габен демобилизовался, он вернулся в Париж, но город изменился – он уже не был его любимым Парижем. Габену было трудно найти себя в послевоенной действительности. Он не мог получить работу. «Вас слишком долго не было на экране», – говорили ему. Марлен тоже приехала во Францию. Жан надеялся, что они смогут вместе сниматься, но фильм «Мартен Руманьяк» был отвергнут публикой и критиками.

Изменились и они сами, не выдержав тягот послевоенного времени, свалившихся на них финансовых трудностей.

Габен надеялся, что сможет создать семью, он мечтал о детях, об уютном и спокойном доме. Марлен уговаривала Габена вернуться в Голливуд – там их ждал успех, благополучие. Габен требовал, чтобы она оформила развод с Руди Зибером. «Или ты

остаешься со мной или между нами все кончено», – таков был его ультиматум после многочисленных ссор, выяснений отношений.

Они вновь расстались. Дитрих вернулась в Голливуд, продолжала сниматься, а Габен остался во Франции. Последнее письмо от Габена она получила в 1946 году. *«Ты была, есть и будешь моей единственной настоящей любовью. Поверь мне, это говорит человек с богатым опытом. К несчастью, я чувствую, что потерял тебя, хотя нам хорошо было вместе. Я буду вспоминать о тебе с огромным сожалением, глубокой болью и бесконечной скорбью».*

В послевоенной Франции начался новый этап кинокарьеры Габена. Его герои были несгибаемы и полны внутренней силы. Это были уже не бунтари, а умудренные житейским опытом, уверенные в себе настоящие мужчины – суровые гангстеры, адвокаты, банкиры, блюстители порядка. Говорят, что Сименон писал повести о Мегрэ с оглядкой на Габена. Он стал признанным мэтром, чье участие в фильме обеспечивало успех.

Судьба подарила им еще одну встречу. В 1949 году Дитрих, будучи в Париже, спросила у Жана Маре где можно увидеть Габена. «Он чаще всего бывает в кафе «Парижская жизнь», на улице Сент-Анн», – ответил тот.

Майским вечером Марлен заняла столик в этом кафе. Вскоре там появился Жан Габен с элегантной стройной женщиной. Это была его новая жена, манекенщица дома моды «Ланвен» Доминик Фурнье.

Марлен поднялась и демонстративно прошла мимо Габена на расстоянии метра, но он даже не пошевельнулся. Так закончилась история этой огромной любви, принесшей столько радости и мук обоим влюбленным.

Марлен тяжело переживала разрыв с Габеном, называла себя его женой, а после его смерти в 1976 году сказала для прессы: «Похоронив Габена, я овдовела второй раз». Рудольф Зибер скончался несколькими месяцами раньше.

«ШОУ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

Послевоенные 50-е годы родили новый имидж киногероини. Место роковой женщины-вамп заняла простушка – соседская девчонка. Дитрих не могла принять это амплуа. Она решила перенести свой образ гламурной кинозвезды на эстраду.

Она вернулась к увлечению молодости – пению в забытой манере берлинских кабаре 30-х годов. Она словно перечитывала старые письма или листала забытый фотоальбом. «Я должна создать новый имидж», – решила Марлен, и для этой работы она привлекла знаменитого кутюрье Жана Луи. Вместе они истратили тысячи долларов и не меньшее количество часов для создания совершенно уникальных сценических туалетов.

Начавшая карьеру певицы Марлен Дитрих в «Шоу одной женщины» 25 декабря 1953 года произвела сенсацию на сцене казино «Sahara» в Лас-Вегас.

Она появилась перед зрителями в сногсшибательном платье из тончайшего прозрачного материала под названием «суфле».

Марлен выглядела одновременно и обнаженной и соблазнительно – полуодетой. Публика ахнула, не скрывая восхищения, все поднялись со своих мест, аплодисментами приветствуя возвращение любимой 52-летней актрисы на эстраду.

Во втором отделении она вышла во фраке и белом галстуке. «Никогда я еще не видел ничего более магнетического. Она спела двадцать песен, и каждая была одноактной пьесой, каждый раз – другая история от лица нового персонажа, другой характер. Фразировка – уникальная, и все это с удивительным мастерством. Все, что она делает, она делает до конца. Тщательно отрепетированное кажется импровизацией. Большая артистка. Очень театральная – с тонким вкусом, достойная самой высокой похвалы», – говорил знаменитый американский режиссер Питер Богданович.

Чтобы увидеть и послушать легендарную звезду, люди приезжали из далеких американских штатов, из других стран. Каждый ее концерт был событием. После нескольких выступлений на сцене казино «Sahara» она получила контракты с лондонским Café De Paris и кабаре в Монте-Карло.

Дитрих вернулась к увлечению молодости – пению на эстраде. Она пела знаменитые песни из своих фильмов, но в современной аранжировке. Ее голос – спокойный альт звучал то мягко, лирично, то переходил в сексуальный шепот, то обретал звенящие ноты. Она прославляла любовь так как это не делал никто.

«Мое «Шоу одной женщины» требовало больших трудов, – говорила в одном из интервью Марлен Дитрих, – разучивание текста, репетиции, прогоны, премьеры, а, кроме того, многочисленные примерки моих драгоценных костюмов, поездки по всему миру на самолетах. И никогда нельзя показывать, что ты устала, всегда приходится сохранять хорошее настроение, причем не только перед собственной труппой, но и перед незнакомыми людьми, для этого требуется жесткая дисциплина и мужество. Я исколесила Северную и Южную Америку, Англию и всю Европу, побывала в Японии и России. Для этой профессии самые важные качества – энергичность и здоровье, а главное-терпение. Сниматься в кино, по сравнению с этим, – детская забава».

Но уход на эстраду не означал полного разрыва с кинематографом. В фильме «Свидетель обвинения», который вышел на экраны в 1957 году, она работала со своим любимым режиссером Билли Уайлдером. Она играла две противоположные по характеру роли – представительницу лондонского дна и надменную жену обвиняемого. Дитрих блестяще справилась с ролями, продемонстрировав чудеса перевоплощения.

В напряженной судебной драме-фильме «Нюрнбергский процесс» (1961) она играла фрау Бертхольд. Режиссер фильма Стэнли Крамер собрал блестящую команду актеров, в которую вошли Спенсер Трэйси, Максимилиан Шелл, Джуди Гарлэнд, Берт Ланкастер. Партнером Дитрих был Спенсер Трэйси, – они составили великолепный дуэт. Фильм выдвигался на премию «Оскар» в 11 номинациях.

Напряженная гастрольная жизнь, дальние перелеты, – все это не способствовало здоровью. Легендарные ноги Марлен Дитрих доставляли ей все больше проблем, они болели, опухали, но Марлен, с ее потрясающей самодисциплиной, никогда не жаловалась, не посещала врачей, отгоняла от себя мысли о неизбежных болезнях.

В маршрут ее гастролей входила и Германия. Марлен не была там со времен войны. Она не знала как ее примут в Берлине. Опасения были не напрасными: желая сорвать концерт, были разбросаны листовки с призывами: «Марлен, убирайся вон!» Это означало, что часть публики относились к ней как к предательнице родины.

Но после первого концерта в Берлине все переменилось – гастроли прошли с громадным успехом. Занавес поднимался 18 раз, – ее не отпускали со сцены.

Во время гастролей в Израиле она спросила зрителей – не возражают ли они чтобы она пела на немецком языке, – этот язык был запрещен в стране. Когда она пела «Лили Марлен» по-

немецки, многие в зале плакали.

Особое место в сердце великой актрисы занимала Россия. «В душе я-русская», – часто говорила Марлен. Она любила русскую еду, с удовольствием опрокидывала залихватским жестом рюмку русской водки, закусывала соленьями, любила русский борщ, черный хлеб.

«С большой любовью я думаю о России. Сентиментальная по натуре, я находилась в близком контакте с русскими, пела их песни, училась немного их языку. Среди русских у меня было много друзей», – пишет Марлен в своей автобиографии.

В 1964 году Марлен Дитрих приехала на гастроли в Москву. В программу были включены все достопримечательности, которые положено было посмотреть. Переводчица Нора, которая работала с великой актрисой, спросила, нет ли у нее каких-либо пожеланий? Марлен сказала, что ей довелось читать в немецком переводе рассказ писателя Константина Паустовского «Телеграмма», он ее чрезвычайно тронул, и она хотела бы познакомиться с замечательным писателем, который живет в Москве.

Это желание обескуражило кураторов из КГБ, но отказать Дитрих было невозможно. Ей говорили, что писатель очень болен, лежит в больнице. Собственно, так оно и было – Константин Георгиевич перенес несколько инфарктов, у него была тяжелая астма. Кроме того, он только что вернулся из больницы. Марлен Дитрих послала ему приглашение на концерт вместе с прекрасным букетом роз.

Писатель решил пойти в Дом литераторов, где и проходил концерт. Домашний врач Виктор Коневский не советовал этого делать, но Паустовский заупрямился, и Коневский сопровождал своего знаменитого пациента.

После концерта Марлен Дитрих спросили: «Знакомы ли вы с русской литературой? Кто ваш любимый писатель? «Она сказала: «Я люблю Паустовского, и особенно его рассказ «Телеграмма». Когда она это произнесла, по залу прошел шумок: «Паустовский здесь…»

Все ожидали, что он поднимется на сцену, но он был крайне застенчивым человеком, и стоило больших усилий буквально вытолкнуть его на сцену. Это было необыкновенное зрелище: высокий, сутуловатый немолодой человек с трудом поднялся на сцену, а там стояла мировая звезда в роскошном полупрозрачном наряде и протягивала навстречу ему руки.

«Я была так потрясена его присутствием, что, будучи не в состоянии вымолвить по-русски ни слова, не нашла иного способа высказать ему свое восхищение, кроме как опуститься перед ним

на колени», – вспоминает Марлен Дитрих.

Это было потрясением для обоих, когда не говоря ни слова, Марлен встала перед Паустовским на колени. Платье было настолько узким, что нитки не выдержали, сверкающие стразы, которыми было расшито платье, посыпались по сцене. Люди бросились их поднимать, чтобы отдать актрисе. Врач Коневский сказал Паустовскому: «Ни в коем случае не смейте наклоняться». А Дитрих все стояла перед ним на коленях прикрыв глаза…

Писатель растерялся – он не знал как реагировать, что делать: ведь это была звезда мирового экрана, легендарная женщина. Наконец, Марлен поднялась. Писатель поцеловал ей руку.

Покинув Москву, Марлен Дитрих с благодарностью прислала Паустовскому три своих фотографии с автографами и небольшое письмо с теплыми словами благодарности.

«ВОЗЬМИ ЛИШЬ ЖИЗНЬ МОЮ»

Жизнь великой актрисы и ее творчество всегда были неразделимы. Окруженная поклонниками, знаменитыми людьми, она была героиней множества любовных романов. О ней говорили, судачили, преувеличивали, восхищались, завидовали…

В ней удивительным образом сочетались, казалось бы, несовместимые качества: удивительная строгость, организованность, сдержанность и перехлестывающая через верх эмоциональность.

Одним из главных человеческих достоинств Марлен считала дружбу. Она всегда была преданным другом для тех, кого любила. «Для нее не существовало слова «не могу», – говорил Кирк Дуглас, – она могла примчаться в любой час дня и ночи чтобы помочь, утешить, посоветовать».

«Дружба – это святое. Она как любовь – материнская, братская… Она высокая, чистая, никогда ничего не требующая взамен. Дружба объединяет людей куда сильнее чем любовь…

Для меня – дружба превыше всего. Тот, кто неверен, предает ее, перестает для меня существовать. Я таких презираю. Не может быть дружбы без священной обязанности выполнять ее законы чего бы это ни стоило, каких бы жертв это ни требовало», – таковы были жизненные правила Марлен Дитрих, которым она неукоснительно следовала.

Она была истинным, преданным другом и для молодого композитора, блестящего музыканта Берта Баккара, с которым ее связывало больше десяти лет совместной жизни, творчества, вдохновенного труда на сцене.

Существенная разница в возрасте – около 30 лет, не смущала обоих. Марлен не скрывала своих чувств, она была влюблена со всем пылом, она вернулась в молодость. Они путешествовали много, долго и далеко. Она стирала ему рубашки и носки, сушила его смокинг в театре в перерыве между представлениями. Истинная дружба-любовь, преданность не знала преград и трудностей.

Берт аранжировал ее песни, был дирижером, композитором, они вместе продумывали каждый жест, работали над звуком. Музы покровительствовали этому творческому союзу. Баккара создал оркестр из лучших музыкантов Нью-Йорка. Они объездили все страны, всюду это был настоящий триумф, который достигался огромным самоотверженным трудом.

«Она не просто поет, она становится самой песней, оркестр звучит потрясающе, переходит от нежного пиано до яростного крещендо, так что нас, зрителей, бросает в жар и холод… Представление, которое Дитрих создала вместе с Баккара и показала во всем мире от Москвы до Мельбурна – это сенсация».

(Из рецензии Сесиль Смит «Los Angeles Times»)

Везде, где бы они ни выступали, для нее не столько важны были аплодисменты, вызовы на «бис» (однажды это было шестьдесят девять раз), сколько ЕГО одобрение, восхищение, которое она читала в его глазах. «Великолепно, малышка, совершенно великолепно», – говорил он, обнимая ее, и это делало Марлен счастливой…

«Время, проведенное с Бертом Баккара, было самым прекрасным, самым удивительным. Это была Любовь. И пусть бросит в меня камень тот, кто на это осмелится», – говорила Марлен, как всегда, гордо подняв голову.

…Но вот наступил день, когда Берт больше не мог гастролировать вместе с Марлен. Он женился на актрисе Энджи Дикинсон, стал настоящей знаменитостью, но годы, проведенные с Марлен, наполненные любовью и творчеством, несомненно были лучшими в его жизни.

«Когда он покинул меня, я хотела отказаться от всего, бросить все. Я потеряла своего учителя, своего Маэстро. Израненная до глубины души, я очень страдала…», – Марлен как всегда удивительно откровенна в своих признаниях. Она надеялась, что, возможно, и он вспоминает время, когда они были маленькой семьей, объездив весь мир. Может быть, этого ему не хватает…

В своей жестокой книге Мария Рива, дочь Марлен Дитрих, открывает завесу над интимным миром великой актрисы, она без обиняков заявляет, что не любит свою мать, которая создала из дочери кумира.

У каждой женщины, тем более, великой актрисы, есть свои тайны, их нельзя выставлять напоказ, недопустимо впускать толпу в тонкий, интимный мир.

Дочь великой Марлен совершила этот грех, выставив свою мать на обзор всего мира, показав ее в самые трудные моменты жизни, подробно описав в своей книге ее недуги, хвори, страдания, осмеяв свою мать.

Эту книгу прочел Берт Баккара. Через несколько месяцев Мария Рива получила по почте фотографию, присланную

композитором.

Снимок был сделан после одного из бродвейских шоу Дитрих, когда конная полиция с трудом сдерживала разгоряченную многотысячную толпу. На фото снята Марлен, которой в то время было далеко за шестьдесят. Взобравшись на крышу роллс-ройса, она раздает автографы ликующей толпе. Смеясь, Марлен балансирует на крыше автомобиля, не обращает внимания на то, что ветер треплет ее короткую юбку, а волосы развеваются. Ее открытые на всеобщее обозрение ноги пожирают взглядами поклонники. Марлен игривым жестом разбрасывает автографы, а глаза горят так же как и полвека назад…

«Вот такая она, моя Марлен», – написал Берт Баккара на обороте фотографии.

Во время гастролей в Висбадене, в ФРГ, с Марлен произошел несчастный случай.

Заканчивая песню, она не рассчитала ширину сцены, уходя, слишком повернула влево и… упала через рампу. От острой боли и испуга она не сразу поняла в чем дело и вернулась на сцену. Вдруг она услышала тихий странный звук: это капли пота падали на фрачную крахмальную манишку. Из-за шока она не могла вспомнить слова песни, которую решила исполнить еще раз. Но шок прошел, она закончила шоу, Берт отвез ее в госпиталь, и там был поставлен диагноз – перелом плеча. Марлен не прерывала гастроли, и они закончились в Мюнхене с большим успехом. Она говорила врачам: «Я пережила две мировые войны. Неужели меня остановит какой-то перелом?»

Но, как оказалось, это было лишь начало цепи серьезных физических страданий актрисы.

В Вашингтоне дирижер Стен Фримен случайно потянул ее к себе, и она свалилась в оркестровую яму. Марлен спас от верной гибели замечательный доктор Дебейки, в его клинике сделали все возможное чтобы сохранить жизнь великой актрисы.

Но злой рок не оставлял Марлен, и 29 сентября 1975 года в Сиднее, во время ее турне по Австралии, она зацепилась в темноте за кабель, упала, и во второй раз сломала ногу (до этого в бедро был уже вставлен металлический стержень).

Потерявшую сознание актрису увезли в клинику. Продюссер извинился перед публикой, объявив об отмене концерта. Так закончилась блистательная карьера великой Марлен Дитрих.

Врачи сказали, что раздроблена шейка бедра. Все это произошло на ноге с «новой кожей», над которой колдовал доктор Дебейки.

Ей сделали несколько очень серьезных операций, в результате которых Марлен в течение многих месяцев оставалась

почти неподвижной, могла передвигаться лишь в инвалидном кресле.

Жизнь ее полностью изменилась. Она стала затворницей в своей парижской квартире, но оставаться бездеятельной она не могла, и Марлен решает написать книгу мемуаров. Еще ранее, в 1963 году, она написала небольшую книгу «Азбука моей жизни». Это книга-уникальна. В алфавитном порядке – поэтому книга и получила название «Азбука», – знаменитая актриса рассказывает о любимых людях, с которыми свела ее жизнь, о том, чем была наполнена ее жизнь.

Искусная кулинарка, в своей книге Марлен делится секретами приготовления блюд. Они – несложные. Это – шницель, гуляш, яичница, супы. Эти блюда она готовила для своих друзей, их любили Ремарк и Кокто, Габен и Хемингуэй. Однако основные мемуары так и не были написаны. Марлен приступила к их написанию лишь в 1976 году, когда, опираясь на палку, начала понемногу ходить по квартире. Она говорила со свойственной ей иронией: *«Ноги, которые способствовали моему восхождению к славе, стали причиной моего низвержения в нищету!»*

Длительное лечение в госпитале почти разорило ее, некогда богатую женщину, и договор с издательством Bertelsmann пришелся весьма кстати. Кроме того, у нее появился моральный стимул к творчеству.

Так в 1979 году появилась книга «Возьми лишь жизнь мою». В ней она рассказывает о своей жизни, о людях, с которыми свела ее судьба. Книга *«не посвящается кому-то конкретному. Она посвящается всем тем, кто давал мне радость встреч, любил меня на экране и на сцене, облегчал мне жизнь, давая возможность работать и пользоваться мимолетными радостями бытия»,* – пишет Марлен в предисловии.

Последний раз она появилась на большом экране в 1978 году в фильме «Прекрасный жиголо, бедный жиголо», – Марлен сыграла небольшую роль баронессы и исполнила одну из своих лучших песен «Всего лишь жиголо». Дитрих жила затворницей, никого не впуская в свой мир, не открывая дверь своей квартиры.

После ее смерти знаменитый американский журнал Vanity Fair опубликовал снимок парижской квартиры Марлен на авеню Монтень. Это позволило почитателям ее таланта увидеть мир великой актрисы.

Вот ее любимое кресло, в котором она проводила большую часть времени, рядом – столик, на котором стоит телефонный аппарат. Он разбит, многократно перевязан липкой лентой. Телефон был ее единственной связью с внешним миром. На стенах – многочисленные фотографии, портреты любимых людей

– Хемингуэй, Зибер, Ремарк, Габен, Барышников, Кирк Дуглас, Юл Бриннер… На телевизоре стоял портрет генерала де Голля, рядом Марлен разложила свои боевые награды.

Семнадцать лет Марлен провела в затворничестве. Она окружила себя фотографиями друзей, любовников, дорогими сердцу безделушками, книжные полки были до отказа забиты книгами ее любимых писателей. «Одиночество?! – говорила Марлен Максимиллиану Шеллу, – это вздор! В обществе моих любимых книг я никогда не скучаю».

Она часто сидела в кресле, глядя в спокойной задумчивости на брошь, подаренную ей Кэри Грэнтом или на портсигар от Гэрри Купера. В столовой стоял стол, который когда-то купил для нее Эрнест Хемингуэй, на стенах висели картины Коро – подарок Ремарка. И ее любимая софа, и эти резные китайские лошадки – тоже от него. Почетное место занимала ее знаменитая кукла – африканец, которая была талисманом Марлен на протяжении всей жизни, ее подарил Джозеф фон Штернберг.

Была у Марлен небольшая изящная коробочка, которая была ей особенно дорога. Она ее редко открывала – в ней хранился золотой браслет, подаренный Жаном Габеном…

Нет, она не была одинока в своих думах. Она продолжала мысленно разговаривать с тенями ушедших, они всегда были рядом – те, кого она любила.

Все эти люди давно уже ушли из ее жизни, но остались воспоминания, и они составили основу ее книги – мемуаров.

В 1983 году имя актрисы вновь привлекло внимание зрителей, когда на экраны вышел полнометражный документальный фильм «Марлен». Его автором был знаменитый актер, кинорежиссер Максимиллиан Шелл.

Снимать этот фильм было невероятно сложно – Марлен Дитрих, легенда мирового кино, не хотела выглядеть на экране старой и беспомощной. Она забаррикадировалась в своей спальне, разрешала только просунуть в дверь микрофон, она отвечала на вопросы Шелла.

Фильм имел огромный успех, в нем звучал только хрипловатый голос Марлен с такими знакомыми интонациями. Шелл снимал свою картину в парижской квартире Дитрих. Ей было уже 83 года, и она наотрез отказалась показываться в кадре, говоря, что ее «зафотографировали до смерти».

В 2022 году будут обнародованы фрагменты документального фильма Максимиллиана Шелла, которые не вошли в ленту 1983 года. Так распорядилась семья Марлен Дитрих. *«Я познакомился с Марлен Дитрих на съемках «Нюрнбергского процесса» в 1961 году, – сказал Максимиллиан Шелл в интервью. Все, что я хотел сказать*

о ней, я сказал в своем фильме. Не знаю почему семья Марлен решила засекретить пленки, – на этот вопрос может ответить только ее дочь Мария Рива».

Единственная дочь Марлен тоже попыталась стать актрисой. Время от времени она благодаря Дитрих получала небольшие роли, но так и не стала успешной актрисой. Зависть к матери, ее легендарной славе, развивалась с годами.

У Марлен – бабушки четырех внуков – были любовники моложе дочери. К одному из них – Берту Баккара – Мария и сама была неравнодушна.

В 1992 году вышла книга Марии Рива «Моя мать Марлен Дитрих». В ней она дала волю своей зависти, злости, изобразив великую актрису пустой, тщеславной, обнажив ее тайны, выставив на посмешище всему миру интимный мир Марлен. Дочь стала ее невольной убийцей. Марлен прочла эту книгу – и не выдержала позора. 6 мая 1992 года она ушла из жизни.

Она умерла одинокой, оставленной близкими людьми, болезнь ее была унизительной и тяжелой, материальное положение – катастрофическим.

Но все это со временем забылось, и Марлен стала одним из самых притягательных символов XX века, женщиной-легендой.

Похоронили Марлен Дитрих в Берлине, как она и завещала, рядом со своей матерью Жозефиной фон Лош. На службе в парижской церкви ее гроб был задрапирован французским флагом. В аэропорт «Орли» гроб увезли под американским стягом. А в Берлине покрыли стягом воссоединенной Германии.

* * *

Марлен Дитрих осталась навсегда не только в истории мирового кинематографа, она осталась в нашей жизни. Несгибаемая. Непостижимая. Невероятная. Мужественная Марлен. Глядя на ее судьбу, понимаешь, что это – урок жизни для всех нас.

Мы учимся ее отваге, ее умению работать, ее чувству юмора. Девизом Марлен всегда была фраза: «Сделай что нибудь в жизни!» И она сделала. **ЭПОХУ МАРЛЕН ДИТРИХ**

Другие книги серии «Наши люди в Голливуде»

«Принцесса Одри. Одри Хепберн»
«Творец империи Голливуд. Сэм Голдуин»
«Голливудский Раджа. Луис Мейер»
«Великолепная четверка. Братья Уорнер»
«Талант, принесенный ветром эмиграции. Дэвид Селзник»
«Прекрасный создатель «Прекрасной леди». Джордж Кьюкор»
«Человек-«Оскар». Билли Уайлдер»
«Моцарт из Праги. Милош Форман»
«Беспокойный талант. Уильям Уайлер»
«Легендарный суперагент. Ирвин Лазар»
«Многоликий король. Юл Бриннер»
«Шведская Жанна Д'Арк. Ингрид Бергман»
«Сын старьевщика на голливудском Олимпе. Кирк Дуглас»

Об авторах

Елена Аркадьевна Мищенко – профессиональный журналист, долгие годы работала на Гостелерадио Украины. С 1992 года живет в США. Окончила аспирантуру La Salle University, Philadelphia. Имеет ученую степень Магистр – Master of Art in European Culture.

Александр Яковлевич Штейнберг – архитектор-художник, Академик Украинской Академии архитектуры. По его проектам было построено большое количество жилых и общественных зданий в Украине. Имеет 28 премий на конкурсах, в том числе первую премию за проект мемориала в Бабьем Яру, 1967 год. С 1992 года живет в США, работает как художник-живописец. Принял участие в 28 выставках, из них 16 персональных.

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»